МИХАИЛ ЛЯС

ПАН ЕВРОПА

PAN EUROPE

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ
ГАЗЕТА"

МИХАИЛ ЛЯС

ПАН-ЕВРОПА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В. А. БЫСТРЯНСКОГО

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“
ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
ЛЕНИНГРАД 1931 г.

Ленинградский Областлит № 70401 .Зак. 6486. Тираж 15.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, пацифизм является одним из наиболее тонких орудий, которые пускает в ход буржуазия для обмана масс. Под флагом пацифизма, под флагом заботы о достижении и укреплении „мира“ готовят стоящие у власти буржуазные правительства новые войны. Вспомним, что Гаагская конференция по разоружению 1898 года была созвана по инициативе Николая Кровавого — главнейшего виновника мировой империалистической войны. Неудивительно поэтому, что империалисты наших дней, неустанно готовящиеся к войнам как с другими империалистическими державами, так, в особенности, с единственным пролетарским государством — СССР, прибегают все к новым пацифистским трюкам для обмана масс. Одним из таких трюков является идея пан-Европы, выдвинутая прожженным приказчиком французских капиталистов, ренегатом социализма — Аристидом Брианом.

Бриан мечтает о союзе европейских государств, который он называет „пан-Европой“. Он мотивирует свой проект интересами „всеобщего мира“, но действительным содержанием его политики является стремление к гегемонии Франции в Европе.

Французскому империализму не по себе в Лиге наций, где дирижерская палочка принадлежит Англии. Вот почему французская буржуазия и выдви-

гает идею пан-Европы, где руководство должно принадлежать Франции. Своим остреем объединение европейских государств будет направлено против СССР. Как известно, французский империализм является душой всех попыток подготовки интервенции против Советского Союза. С другой стороны, пан-Европа должна быть направлена против Северо-Американских Соединенных Штатов, влияние которых на экономику Европы растет все больше и больше. Но противоречия между отдельными империалистическими странами делают невозможным осуществление рецепта Бриана. Ни Англия, ни Италия, ни Германия не склонны стать орудием осуществления империалистического плана „прекрасной Франции". О внутренние противоречия империалистических держав должны разбиться все попытки создания пан-Европы. Это конечно не значит, что невозможны временные объединения капиталистических стран, в особенности для борьбы против пролетарской революции и ее организующего центра — государства освобожденного труда — СССР.

Вот почему, несмотря на неудачу, постигшую в данный момент идею господина Бриана, мы не можем считать исключенной возможность осуществления в той или иной форме его попытки.

Книга тов. Ляс дает сводку и характеристику фактического материала, относящегося к проекту Бриана, и может быть поэтому с пользой прочтена всеми, кто интересуется вопросами международной политики.

В. А. Быстрянский.

ОТ АВТОРА

Настоящая работа является в известной степени продолжением уже вышедшей нашей брошюры, посвященной критике пан-европейского проекта французского правительства[1].

В предлагаемой вниманию читателя книжке мы подвергли значительно более подробному разбору вопрос о пан-Европе в его движении, вплоть до 11-ой сессии Лиги наций. Таким образом проблему пан-Европы мы разобрали в уже законченной первой стадии ее развития. Само собой разумеется, что настоящая работа отнюдь не претендует на полное и всестороннее освещение пан-европейского вопроса, представляющего за последнее время, на фоне общего кризиса империализма, весьма интересное явление в мировой политике. Мы постарались лишь в популярной форме дать широкому читателю беглый обзор и анализ этой проблемы, которая, по нашему мнению, должна стать предметом внимательного

---

[1] Михаил Ляс „Триумф лицемерия" (легенда о Соединенных Штатах Европы). Предисловие К. Шелавина. — Издательство „Красная газета", 1930 год.

ного и глубокого изучения для товарищей, работающих над международными вопросами. Это тем более важно, что на ближайший период вопросы „объединения“ Европы будут продолжать служить оружием величайшего обмана масс и маскировки новой империалистической войны, под отовляемой под предательским знаменем еще не до конца разоблаченного международного пацифизма.

М. Л.

ГЛАВА I

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЕВРОПА

Версальская система. — Зовы о помощи. — Плоды „умиротворения". — Перед лицом кризиса. — В сетях противоречий. — Пацифистские иллюзии. — Европа ищет спасения

Империалистическая война 1914—18 гг. совершенно подорвала относительную устойчивость в экономических и политических отношениях капиталистической Европы. В огне войны погибли миллионы людей, были уничтожены колоссальные материальные ценности. И все — во имя будущего „вечного мира", о котором кричала европейская буржуазия, уверяя, что империалистическая война 1914 г. „будет последней войной". Под этим знаком проходила кровавая бойня, явившаяся результатом очередного соперничества в лагере империалистической буржуазии.

Война закончилась поражением Германии, а страны - победительницы стали за версальской трапезой сдирать шкуру с побежденного противника. Миллиарды золотом, согласно Версальскому договору, вынуждена была платить Германия победителям. Страна была разграблена во имя алчности

торжествовавшего империализма. Версальский мир в истории современного империализма явился печальным звеном целой системы, именуемой версальской. Международные отношения послевоенного периода, внешне носящие характер „мирных“, на самом деле служат дальнейшему порабощению миллионов людей. Версальский мир со всеми вытекающими из него последствиями явился олицетворением воинствующего империализма, основанного на господстве одного государства над другим, на непрекращающейся борьбе империалистических государств за „сферы влияния“, за новые рынки и колонии.

Война, обошедшаяся европейским государствам в миллиарды золотых рублей, поставила перед мировой буржуазией задачу изменения внешнего лица современного империализма. Результатом этого стремления явилось создание Лиги наций, прокламированной вмешавшейся в судьбы европейского мира Америкой. Наряду с грабительскими условиями в отношении побежденных стран, в версальский договор был внесен пункт, представляющий собой новое явление в области международных отношений капиталистических государств. Этим новым международно-политическим фактором и явилась основанная по инициативе президента Соединенных Штатов Америки Вудро Вильсона Лига наций. В 1918 году в своих знаменитых 14-и пунктах Вильсон положил основу Лиги наций, где „на началах полного равенства должны были встретиться победители и побежденные“.

Последний пункт программы Вильсона гласил: „Должна быть основана всеобщая ассоциация народов с международными гарантиями в целях взаимного обеспечения политической независимости и территориальной неприкосновенности как великих, так и малых держав". На самом деле, как известно, Лига наций явилась не чем иным, как новой формой господства со старым империалистическим содержанием. Вся история ее существования, все вопросы, которые так или иначе под ее покровительством пытался разрешать капиталистический мир, являются лишь подтверждением органической неспособности мировой буржуазии восстановить свое нарушенное равновесие. Выбрав своей резиденцией живописную Женеву, Лига наций превратилась в притон, в котором совершаются гнусные сделки между империалистами. В 1926 году в Лигу была втянута Германия, и таким образом империалистический круг оказался завершенным.

Бессилие Лиги наций сказывается во всех проблемах, которые она пытается так или иначе разрешать. Это особенно наглядно видно при характеристике работ Лиги наций в области разрешения проблем разоружения. В течение вот уже восьми лет Лига наций занимается этим вопросом, но дальше длинных резолюций и пустых соглашений дело не идет. В блестящих залах Лиги наций идет неустанная борьба между отдельными империалистическими государствами, идет борьба различных точек зрения. Франция, выигравшая больше всего от версальского договора, выдвигает сакраментальную формулу:

сначала обеспечение безопасности, а затем разоружение. Другие страны требуют сначала разоружения, а затем безопасности. Разговоры о „разоружении" продолжают служить лишь фиговым листком для прикрытия истинных намерений соперничающих между собой государств и дымовой завесой, за которой скрывается неустанная подготовка капиталистического мира к новой, еще неслыханной в истории человечества мировой войне.

Версальский мир и базирующаяся на нем Лига наций знаменуют собой самую черную страницу в развитии современного империализма. Еще во время заключения версальского договора один из тогдашних корифеев империализма — английский либерал Ллойд Джордж — вынужден был признаться в пагубности этого мира. В только недавно появившемся в заграничной печати „Документе из Фонтенебло", принадлежащем перу Ллойд Джорджа, вскрывается достаточно ярко сущность версальской системы, приведшей капиталистическую Европу к новому хозяйственному кризису, к новым социальным потрясениям во имя хищнических интересов империалистической Франции и других держав-победительниц.

Когда после мировой войны и вступления в действие версальского мира и Лиги наций, на которую столь много надежд возлагали международные пацифисты и политические ханжи, стала очевидной дальнейшая империалистическая политика государств Европы, подняли свой голос представители либеральной буржуазии. В этом отношении особый

интерес представляют книги бывших политических деятелей Франции и Италии — Кайо и Франческо Нитти. Эти министры в отставке, представители мелкой буржуазии, увидевшие всю пагубность империалистической политики, подвергли ее жестокой критике. Хотя выступления этих буржуазных пацифистов представляют собой лишь вопль растерявшихся людей, они все же имеют некоторый интерес.

Франческо Нитти писал: „Раз мир, основанный на насилии, не принес с собой сносных жизненных условий, он должен быть заменен миром, основанным на справедливости. Солидарность народов должна быть восстановлена“. Критикуя версальский договор и захватнические стремления Франции, Нитти не возлагает надежд и на Лигу наций, которая по его мнению „не вызывает никакого внимания, ни уважения, а вызывает лишь естественное и основательное отвращение“.

Бывший французский премьер Кайо в своих выступлениях подчеркивал, что главными виновниками обострения международных конфликтов являются национальные и интернациональные тресты, синдикаты, картели, которые превратили борьбу и конкуренцию отдельных капиталистов в коллективные конфликты, сделав войну между капиталистическими государствами неизбежной.

Свою книгу „Европа без мира“ Франческо Нитти кончает пророческими словами: „Наши сыновья, — восклицает он, — переживут трагедию еще более страшную, чем испытания, выпавшие на долю нашего поколения“.

Ставшая перед лицом величайшей пропасти, Европа призвала себе на помощь заработавшую на империалистической войне капиталистическую Америку. В ответ на призыв европейских пацифистов о срочной помощи последовали сперва лишь благие попытки Америки. Когда же „помощь" доллара пришла, она неизбежно привела к закабалению европейских государств экспансивным американским капиталом.

В 1922 году на Западе появилась книга крупного американского капиталиста и буржуазного политика Франка Вандерлипа, под заглавием „Как помочь Европе". В своей работе, явившейся результатом трехмесячного путешествия по важнейшим государствам Европы, автор развил откровенную программу закабаления Европы американским капиталом. Из страха перед надвигающейся пролетарской революцией, Франк Вандерлип развивал проекты широких американских кредитов, которые должны были бы спасти европейскую цивилизацию и, конечно, поставить Европу в зависимость от американского капитала. В эту кабалу и попала капиталистическая Европа, правда сумевшая благодаря американской помощи на некоторое время восстановить свое нарушенное равновесие. Это, в свою очередь, привело к росту антагонизма между американским кредитором и европейскими должниками. Недаром бывший американский президент Кулидж вполне основательно в свое время заявил, что „от полнейшего краха после заключения мира Европу спасла наша помощь". И действительно, американские кредиты

помогли Англии, Франции, Польше и другим европейским странам восстановить их финансовое положение. Этим самым европейский капитализм оказался в полной зависимости у своего кредитора, который, желая сохранить за собой роль международного арбитра, даже не вступил в Лигу наций, названную ее идейным отцом Вильсоном „братской семьей народов".

1923 год был наиболее тяжелым годом в жизни европейского капитализма. Острый хозяйственный кризис и социально-политические противоречия, вызвавшие мощный подъем революционного движения, вынудили европейских политиков к совместному обсуждению вопросов хозяйственной и политической жизни. С этого периода начинается целая серия различных европейских конференций, договоров и соглашений, преследовавших внешне задачи „умиротворения" Европы. План Дауэса, заключенный в 1924 году в Лондоне, благодаря вмешательству Америки в европейские дела способствовал лишь дальнейшей экспансии американского капитала в Европе и закабалению обезоруженной Германии. Затем последовала известная Локарнская конференция, результатом которой явился пресловутый гарантийный договор, лишь закрепивший систему версальских договоров в Европе. Гарантийный договор, одной из своих острых сторон направленный против Советского Союза, не смог предотвратить угрозы войны в Европе. Этого не смог достигнуть и американский пакт Келлога, который свел вопрос о разоружении к ни к чему не обязывающему бур-

жуазные государства договору о „запрещении войны“. Затем следует Гаагская конференция по репарациям, навязавшая Германии кабальный план Юнга и приведшая к созданию Банка международных расчетов, долженствующего служить орудием по выколачиванию репарационных платежей из порабощенной Германии.

И все же вопрос о войне попрежнему остался на повестке дня европейского империализма. В одной из своих книг Франческо Нитти писал: „Англия, Франция, Италия, Германия являются наиболее прогрессивными государствами в Европе. Если они не желают погибнуть одно за другим, они должны найти путь совместной мирной жизни и восстановить утерянную ими солидарность“. Дальнейший ход событий показал, что солидарность, к которой взывал пацифист Нитти, осталась лишь несбыточной мечтой. И правильно писал в свое время Ллойд Джордж: „Милитаризм довел Европу до настоящего бедствия, и, чтобы спасти себя от подобного несчастья в будущем, она сделалась милитаристичнее, чем когда бы то ни было. Всякая малая страна уставлена пушками, чтобы отразить неприятеля“. О том, что это верно, свидетельствует длившаяся в течение зимы 1930 года лондонская морская конференция, которая ставила перед собой задачу сокращения морских вооружений крупнейших мировых государств, господствующих на море. Тройственное соглашение, заключенное между Америкой, Англией и Японией, способствует лишь дальнейшему соревнованию этих государств за военное господство на море и росту

отиворечий между Англией и добившейся с ней равенства флотов Америкой. Лондонская же морская конференция обнаружила величайшие противоречия между Францией и Италией, соревнующимися в вооруженном господстве в Средиземном море.

Таким образом все стремления международного империализма добиться равновесия приводят лишь к дальнейшему росту противоречий между отдельными капиталистическими государствами. Эти противоречия превращают все попытки к соглашению, все бесчисленные конференции, совещания и договоры в ничтожные документы, являющиеся памятниками органической неспособности империализма преодолеть раздирающие его противоречия. А последние, как известно, вырастают на почве борьбы империалистических государств за новый передел мира, за новые рынки, за новые „сферы влияния".

Империалистические противоречия экономически и политически вполне закономерны, ибо они вырастают из самой сущности современного монополистического капитализма, вызывающего неизбежно столкновения между отдельными буржуазными группировками. Противоречия эти наиболее ярко обнаруживаются в условиях нынешнего мирового экономического кризиса. Понятно, что экономический кризис ведет за собой и обострение политических противоречий между империалистическими странами, ибо марксистской наукой давно установлено, что политика является лишь концентрированной экономикой.

Каковы же эти современные капиталистические противоречия? Чем определяется настоящий период

империализма, ставшего перед лицом величайших хозяйственных потрясений, нового революционного подъема и опасности столкновения, неизбежно ведущего к кровавой развязке?

Период 1929—30 года принес всему капиталистическому хозяйству новые серьезнейшие осложнения, выразившиеся в глубоком хозяйственном кризисе, охватившем не только страны капиталистической Европы, но и могущественную Америку. Значительное перепроизводство вызвало падение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары; значительно уменьшились прибыли крупнейших капиталистических предприятий, что, в свою очередь, вызвало падение темпов капиталистического накопления.

Грозные удары хозяйственной депрессии, охватившей также колониальные страны Востока, вызвали значительный кризис сельского хозяйства. Аграрный кризис уже тесно переплетается с кризисом промышленным. Это влечет за собой противоречия между промышленными и аграрными странами, непрерывно конкурирующими между собой. Катастрофический рост безработицы и обнищание широких трудящихся масс способствуют дальнейшей радикализации пролетариата, его полевению и новому росту революционного движения, находящего свое выражение в стачечной борьбе и массовых политических и экономических выступлениях. Капиталистический мир пытается спасти свое положение новым наступлением на насущные интересы пролетарских масс, но это приводит лишь к обострению

социально-политических противоречий внутри каждой страны, к усилению классовой освободительной борьбы во всех частях земного шара.

Экономический кризис третьего периода послевоенного капитализма, носящий, безусловно, черты подлинного краха буржуазной экономики, перерос также в кризис политический. Систематическая смена правительств в важнейших государствах капиталистического мира и неустанный рост реакции полностью подтверждают анализ международного положения, данный тов. Сталиным, который говорил: „Во-первых, буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этой цели все реакционные силы, в том числе социал-демократию Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики. Это значит наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции“.

Наиболее разительный пример роста капиталистических противоречий, являющихся последствием экономического кризиса, есть принявшая за последнее время мощные размеры таможенная война. Эта война приняла характер обостренной борьбы капиталистических государств между собой. Она характеризуется введением новых запретительных пошлин в Северо-Американских Соединенных Штатах, борьбой Англии за таможенный протекционизм и свободную торговлю „внутри Британской

империи“ и, наконец, введением запретительных пошлин в ряде европейских государств, как-то: в Германии, Франции, Австрии, Италии, Испании и так далее.

Экономический кризис находит также свое выражение и в росте противоречий между империалистическими государствами Европы и Америкой. Эти противоречия за последнее время стали не только темами для блестящих публицистических выступлений, но и вопросами ближайшего исторического будущего империализма. Растут противоречия между Америкой и капиталистической Европой, наиболее ярко выражающиеся в антагонизме между Америкой и Британией. Эти противоречия за последнее время обсуждаются во всей мировой печати и наиболее полно отражены в недавно появившейся книге американского публициста Людвелла Денни под названием „Америка завоевывает Британию“, в которой автор довольно откровенно и развязно доказывает неизбежность дальнейшей экспансии и империалистической воинственности американского капитала против Британии.

За последнее время наиболее ярко обнаружились тенденции к ревизии мирных договоров, к пересмотру версальской системы, господствующей в современной Европе. Показателем этого могут служить постоянные конфликты между Францией и Италией, обойденной странами-победительницами во время дележки версальских трофеев. Побежденная Германия, реставрирующая за последнее время свое империалистическое могущество, настаивает

также на пересмотре существующего в Европе соотношения сил и географических границ. Это, в свою очередь, влечет за собой рост франко-германских противоречий и польско-германских отношений, ибо пересмотр границ раньше всего должен отразиться на нынешних владениях Польши. Новым обстоятельством за последнее время явилось также воскрешение на время заглохших англо-французских противоречий, выражающихся в нежелании Англии защищать версальское господство Франции в Европе и в требовании Англии об уплате Францией ее военных долгов.

Решающим фактором в соотношении нынешних сил в капиталистическом мире является Советский Союз, в противовес всем буржуазным странам, находящийся в полосе мощного хозяйственного и политического прогресса. Решающие победы пятилетнего плана социалистического наступления в СССР поставили на повестку дня мировой экономики противоречия между двумя хозяйственными системами — социалистической и капиталистической. Отсюда растут попытки экономической блокады и вооруженного выступления, так или иначе подготовляемого международным империализмом против Советского Союза. И если до последнего времени эти попытки терпели неудачу, то это объясняется лишь противоречиями внутри капиталистических стран мира и особенно буржуазных государств Европы.

Положение в Европе, как известно, стало ныне более чем напряженным. Империалистическая война, как мы уже говорили выше, привела в расстрой-

ство весь хозяйственный организм Европы. Экономически этот процесс нашел свое выражение в перемещении капиталов из Европы в капиталистическую Америку. Европа обеднела и продолжает беднеть, открывая тем самым путь для ищущего приложения своим капиталам американского империализма. Если до империалистической войны европейские государства еще представляли собой в экономическом отношении нечто единое, то ныне эта хозяйственная общность осталась далеко позади. Процесс балканизации Европы, т. е. хозяйственного и политического ее раздробления, является одним из первостепенных факторов, столь пагубно отразившихся на европейском хозяйстве. Если до империалистической войны в Европе насчитывалось 25 государств, то ныне их насчитывается 32, при чем антагонизм между европейскими государствами неустанно продолжает расти. И совершенно правильно заявил в свое время небезызвестный буржуазный пацифист Куденгоф-Калерги, что „после войны в Европе вместо одной существует, по крайней мере, двенадцать Эльзас-Лотарингий". Это значит, что мировая война отнюдь не разрешила противоречий в современной Европе, а, наоборот, усилила их. И в этом вынуждены признаться даже представители империалистической буржуазии. Совершивший летом 1930 г. поездку по Европе председатель морской комиссии палаты представителей САСШ Фрэд Бриттен, известный сторонник расширения северо-американских морских вооружений, в беседе с представителями печати заявил, что в Европе сейчас идет усиленная

подготовка к войне и что политическое положение в Европе гораздо менее устойчиво, чем когда бы то ни было. „Европа, — заявил Бриттен, — теперь сильнее вооружена и настроение в ней более напряженное, чем в 1913 году“.

В этой обстановке, грозящей новой, еще невиданной в истории войной, европейский капитализм пытается все же добиться некоторого равновесия. Пацифистские иллюзии еще владеют умами некоторой части европейской буржуазии, пытающейся восстановить прежнее могущество старой Европы, ныне напоминающей, по одному меткому выражению, сумасшедший дом. Проявлением этих попыток добиться политического и экономического равновесия является выплывший за последнее время на мировую политическую арену план создания пан-европейского (всеевропейского) союза государств, выдвинутый французской дипломатией в обширном проекте создания европейской федерации.

Попытки создания отдельных государственных объединений, коалиций и блоков в истории современного империализма отнюдь не новы, но последний проект пан-европейской федерации является наиболее ярким образцом этих стремлений, нашедших свое выражение в буржуазной Европе. Он безусловно представляет собой любопытное явление в политической жизни буржуазного мира за последние годы. Наряду с другими пацифистскими иллюзиями, как вопрос о разоружении, проблема пан-европейской федерации безусловно занимает уже сейчас довольно видное место именно потому, что

в этом вопросе наиболее рельефно и ярко обнаруживаются противоречия между основными европейскими государствами, противоречия, неразрывно связанные с судьбами всего капиталистического мира и в первую очередь буржуазной Европы.

Вопреки некоторым поспешным выводам о судьбах проекта пан-европейского союза, последний, как показывает ход его развития, на ближайший период времени будет безусловно продолжать являться той дымовой завесой, за которой скрывается надвигающаяся империалистическая война. В то же время уже сейчас можно сказать, что пан-европейская идея создала целое пацифистское движение, которое находит свое отражение во всей международной политике. Вместе с тем проблема пан-европейской федерации является той лакмусовой бумажкой, которая наиболее широко вскрывает сущность экономических и политических противоречий в современной Европе и ярко показывает беспомощность европейского империализма в его поисках выхода из того тупика, в который его завезла бегущая неровной рысью колесница истории. Именно поэтому проблема пан-европейской федерации требует внимательного и тщательного разбора как новейшее явление в современной фазе развития империализма. И вот почему этот большой политический вопрос требует тщательного марксистского анализа и изучения.

ГЛАВА II

В ПОИСКАХ „ВЕЧНОГО МИРА“

Историческая справка. — Рождение идеи Соединенных Штатов Европы. — Локарно и пан-Европа. — Инициатива французской дипломатии. — „Великая идея“ Аристида Бриана.

Мысль о создании объединения европейских государств уже издавна занимала умы государственных деятелей буржуазии. Первые попытки междугосударственного объединения мы встречаем еще в 1693 году в проекте „Всеевропейского парламента“ Пенна. Затем эту же мысль мы находим в проекте „Постоянного конгресса народов“ в работе Э. Канта „О вечном мире“ (1795). Попытку объединения Европы мы находим и у Наполеона I, который в начале XIX века пытался на штыках принести Европе объединение В 1813 году в Лондоне даже были сделаны попытки собрать конгресс сторонников „всеобщего мира“. В 1891 году в Берне (Швейцария) возникло „Международное бюро мира“. Следующим этапом идеи объединения государств были гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. Наконец, создание Лиги наций также нельзя рассматривать иначе, как попытку создания междугосударственного объединения.

В каждом проекте создания этих междугосударственных объединений неизбежно заключалась идея господства одних государств над другими. Все попытки междугосударственного объединения кончались неудачей. И это вполне понятно, ибо проблема подлинного объединения народов в условиях капитализма абсолютно невозможна, ибо война является составной частью капиталистического общества.

Проблема пан-европейской федерации в форме Соединенных Штатов Европы также имеет свою историю, появляясь на различных этапах истории развития империализма. Еще в 1902 году один из буржуазных авторов по вопросам империализма — Гобсон—в своей книге „Империализм“ вскрывал сущность стремлений современного европейского империализма к объединению, вызываемому его монополистическими тенденциями. Гобсон писал следующее: „Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейской федерации великих держав: он не только двигал бы вперед дело всемирной цивилизации, а мог бы означать гигантскую опасность западного паразитизма“. Еще тогда Гобсон предсказывал дальнейшее развитие этих объединительных тенденций европейских государств. „...Те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, — писал он, — двигаются в этом направлении, и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они работают в направлении именно такого завершения процесса“.

В своей книге „Империализм, как высшая стадия капитализма“ Ленин, разбирая основные тенденции современного капитализма, давал следующую оценку положениям Гобсона: „Автор,—писал Ленин в 1916 г.— совершенно прав: если бы силы империализма не встретили противодействия, они бы именно привели к этому. Значение „Соединенных Штатов Европы“ в современной империалистической обстановке оценено здесь правильно“.

Наконец, идея европейского единения в форме Соединенных Штатов Европы была воскрешена социал-демократами во время империалистической войны. Известно, какую резкую отповедь социал-демократам и Троцкому,—который уверял, что „Соединенные Штаты без монархии, постоянных армий и тайной дипломатии являются важнейшей составной частью пролетарской программы мира“,—сделал тогда В. И. Ленин. Эти течения Ленин констатирует опять-таки в своей книжке „Империализм, как высшая стадия капитализма“, в которой он писал: „Следовало бы лишь добавить, что внутри рабочего движения оппортунисты, победившие ныне на время в большинстве стран, „работают“ систематически и неуклонно именно в таком направлении“. В своей же статье, помещенной в № 44 „Социал-демократа“ от 23 августа 1915 года, специально посвященной лозунгу Соединенных Штатов Европы, Ленин подверг жестокой критике эту пацифистскую иллюзию. Ниже мы остановимся подробнее на Ленинской критике лозунга Соединенных Штатов Европы. Пока мы только устанавливаем факт обсуждения

пан-европейской идеи в рядах социал-демократии еще в 1915 году.

Затянувшаяся империалистическая война надолго отодвинула идею Соединенных Штатов Европы, и лишь в 20-х годах она вновь всплывает на европейской поверхности. Автор уже цитированной нами книги „Как помочь Европе" Франк Вандерлип наряду с пропагандой идеи гегемонии Северо-Американских Соединенных Штатов в Европе проповедывал превращение Западной Европы в Соединенные Штаты Европы, которые якобы должны способствовать выходу из создавшегося в Европе положения путем уничтожения внутриевропейских национальных и таможенных границ. Франк Вандерлип даже развернул целую программу создания Соединенных Штатов Европы. Он предполагал создать „Банк золотого запаса Соединенных Штатов Европы" с капиталом в один миллиард американских долларов. Основной капитал этого банка, по мнению Вандерлипа, должен был состоять из акций по 100 долларов каждая, с расчетом, что эти акции сможет покупать каждый располагающий золотом, а так как Америка располагает самыми большими золотыми запасами, то основная масса акций банка разошлась бы в Америке. Для того, чтобы завуалировать свой план в филантропическую идею, Вандерлип высказал мнение о возможности скупки этих акций с течением времени европейцами. По существу же проект Вандерлипа сводился к экономическому и политическому подчинению европейских государств американскому финансовому капиталу

через не увидевший света „Банк золотого запаса Соединенных Штатов Европы“.

Следующим этапом развития пан-европейской идеи явилась локарнская конференция 1925 года, которая хотя и не проходила под лозунгом пан-Европы, но тем не менее носила европейский характер. Как известно, локарнская конференция была не только блоком против СССР, не только попыткой Великобритании подорвать континентальную гегемонию Франции, но и была попыткой создания европейского блока против Северо-Американских Соединенных Штатов. Уже тогда это обстоятельство отмечалось на страницах мировой печати и особенно американской прессы.

Присутствовавший на локарнской конференции корреспондент „Нью-Йорк Таймс“ Эдвид Дженс писал по этому вопросу в своей газете следующее: „Недавно господствовало мнение, будто ни одна страна в Европе, даже Англия, не в состоянии ни политически, ни экономически в одиночку бороться с Америкой. Это обстоятельство вызвало настроение в пользу объединения Европы, хотя бы только для того, чтобы договориться с Соединенными Штатами. Наряду с этим, конечно, существуют настроения, будто Европа не только может достигнуть лучших результатов в экономическом отношении, но что потребность ее в американских кредитах может быть удовлетворена, если европейский континент будет объединен“.

Локарнский корреспондент филадельфийской газеты „Пэблик Леджер“ даже констатировал в своей

статье рождение пан-Европы в Локарно: „В деталях ежедневных переговоров, — писал он, — эта цель редко упоминалась, но какие непосредственные результаты даст локарнская конференция, зависит прежде всего от победы европейской идеи и от быстроты осуществления нового рода сотрудничества между европейскими нациями, небывалого в истории. Она может принять форму слабо связанных взаимно Соединенных Штатов Европы". „Если, — продолжал корреспондент филадельфийской газеты, — локарнская конференция даст реальные результаты, то лишь потому, что народилась в той или иной форме пан-Европа". И, наконец, в сообщении локарнского корреспондента американского журнала „Джорнел оф Коммерс" Вильбура Форста мы читаем: „В связи с внутренними делами Европы у политиков, в прессе и у населения вообще наблюдается тенденция обвинять Соединенные Штаты в нынешних невзгодах и использовать объединяющуюся Европу для разрешения европейских проблем без помощи Америки... Во многих странах локарнский договор характеризовался, как первый шаг на пути взаимного сотрудничества европейских стран".

Таким образом, стремления к европейской федерации нашли на локарнской конференции наиболее яркое проявление. Локарно явилось выражением „европейской идеи". Для того чтобы в этом окончательно убедиться, небезынтересно привести выдержки из речей, произнесенных в Лондоне в декабре 1925 года при подписании локарнского до-

говора. Основатель дипломатии послевоенной Германии покойный Штреземан в своей речи в тот торжественный момент заявил следующее: „Мы имеем право говорить об европейской идее, ибо на долю Европы выпали самые большие жертвы мировой войне. Она находится под угрозой потери в результате войны того положения, которое она завоевала себе в процессе исторического развития. Часто измеряют военные потери Европы материальными опустошениями, последовавшими за войной. Но величайшая потеря состоит в том, что погибло целое поколение, о котором мы не знаем. Сколько сил и возможностей, сколько гения, воли и дел оно развернуло бы, если бы не погибло. Все это создало общность судьбы, которая нас объединяет. Если погибнем, то погибнем вместе, если же мы хотим еще раз подняться, то этого мы не достигнем в борьбе друг с другом". Таковы трели, исходившие из уст Штреземана.

Ему вторил блудный сын французской буржуазии — министр иностранных дел Франции — Аристид Бриан. „Подписывая договор, — заявил он, — мы высказываемся за мир. Этот договор кладет конец разобщенности наших стран. Он или должен уничтожить тяжелое воспоминание о прошлом, или вообще не имеет никакого значения. Этот договор должен сделаться конституцией для европейской семьи — Лиги наций. Иначе он не будет иметь значения и лишь породит разочарование. Наши народы стояли друг против друга на полях сражения в продолжение столетий. Они проливали кровь и

уничтожили цвет своей молодежи. Договор Локарно будет иметь значение, если сделает невозможными в будущем подобные события".

Эти слова звучали довольно смешно в устах глашатая французского империализма. И правильно тогда заметил орган нью-йоркской биржи „Джорнел оф Коммерс": „Хоть бы лысин друг другу не царапали, и то хорошо", — шутил журнал, упоминая о широковещательных разговорах по поводу планов и чаяний „объединения" Европы.

Еще до локарнской конференции, в 1923 году пресловутый пацифистский ханжа австрийский граф Куденгоф-Калерги взял на себя задачу подготовки „общественного мнения" к созданию пан-европейского союза. Им был даже создан европейский комитет „друзей объединенной Европы", в который был вовлечен—хитрая лиса французской дипломатии—Аристид Бриан, не без основания избранный в 1927 г. почетным президентом организации „энтузиастов" пан-европейского союза. Как человек дела, который, подобно Юлию Цезарю, намерен сохранить свое имя в истории не только своими битвами, но и комментариями о них, Аристид Бриан взял на себя инициативу проталкивания проекта пан-европейского союза, получив за это право называться автором этой — как говорят французы — „величайшей в мире идеи". Этот рыцарь „отважности и гуманности" выступил со своим пан-европейским планом впервые официально в сентябре 1929 года во время 10-го пленума Лиги наций. Здесь он дал завтрак представителям 27 европейских стран, приглашенным выслу-

шать его парадоксальные аргументы. Бриан изложил план организации Соединенных Штатов Европы или, как французы осторожно выражаются, „федеративного союза между европейскими государствами“, осуществление которого взяло на себя французское правительство. Что было на этом завтраке, обставленном весьма пышно искушенным мининделом,—достоверно не известно. Известно лишь официальное комюнике (сообщение) французской деле ации, в котором говорится следующее: „Присутствовавшие после обмена мнений единодушно заявили о принятии к сведению инициативы Франции, направленной к созданию между европейскими государствами уз солидарности. Далее они подтвердили свою готовность сочувственно рассмотреть эту инициативу, обязались передать вопрос на обсуждение своих правительств и поручили Бриану обратиться ко всем европейским правительствам с меморандумом, провести соответствующий опрос и выработать доклад, резюмирующий мнения правительств, с тем, чтобы обсудить его н совещании европейских государств во время пленума Лиги наций в будущем году“.

С этого времени, окрыленный первой удачей, Бриан с необыкновенным усердием взялся за продвижение идеи пан-европейского единства. Но уже на первых порах за внешним сочувствием европейских государств к пан-европейскому проекту Бриана скрывались явная подозрительность и недоверие. Ибо сразу бросалось в глаза, что, преследуя задачу объединения Европы, якобы для восстановления ее

политического и хозяйственного благополучия, на самом деле проект европейской федерации направлен против американского кредитора Европы, против Советского Союза и преследует задачу укрепления в Европе французского влияния, основанного на трагической версальской системе. Но дипломатическая вежливость и тактичность требует своего. Во время майской сессии Совета Лиги наций в 1930 году Бриан продолжает вести в Женеве с европейскими дипломатами „частные переговоры“ о реализации пан-европейского проекта. Попутно с этим в Берлине собирается пан-европейское совещание, руководимое пацифистским интриганом Куденгофом-Калерги, на котором обсуждаются проблемы европейского объединения. На этом совещании были заслушаны доклады, посвященные идее пан-европейского союза, прочитанные рядом общественных и политических деятелей буржуазной Европы. Бывший английский министр колоний Эмери выступил с докладом „Пан-Европа и Британская империя“, бывший министр финансов Франции Лушер прочел доклад об „экономической организации Европы“, чилийский юрист Альварец сделал доклад на тему о „пан-Европе и пан-Америке“, бывший министр иностранных дел Юго-Славии Нинчич доклад „о Пан-Европе и Лиге наций“, писатель Томас Манн высказал свои мнения об „общности европейской культуры“ и т. д. Все выступавшие в своих обширных рефератах усиленно ратовали за необходимость создания пан-европейского союза и поднимали тосты в честь наступления „новой эры“ евро-

пейской „цивилизации“. Попутно с этим Бриан на основе решения сентябрьского совещания 1929 года представителей европейских государств, завтракавших у него в Женеве, обратился ко всем европейским правительствам с меморандумом, в котором официально изложил сущность и задачи европейской федерации. Как мы увидим дальше, вокруг проекта Бриана в Европе, как и следовало ожидать, произошли большие споры, о которых не прекращает возвещать вся мировая пресса. Но Бриана это отнюдь не могло смутить. Перешагнув через все противоречия, он обратился с меморандумом к европейским государствам по вопросу о создании европейского объединения и созыве пан-европейской конференции.

Произошел, как говорится, очередной дипломатический случай, к которым старушка Европа привыкла еще с давних времен.

ГЛАВА III

ФРАНЦУЗСКИЙ МЕМОРАНДУМ

Документ пацифистского скудоумия. — Сигнал бедствия капиталистической Европы. — Два континента. — Пан-Европа — империалистическое оружие. — Очевидная истина.

Меморандум Бриана, разосланный им европейским государствам от лица французского правительства, представляет весьма любопытный документ, в котором с дипломатическим искусством, свойственным французским политикам, излагается сущность внешних намерений рыцарей прекрасной Марианны. Этот документ, вызвавший продолжающееся еще до сих пор брожение европейских умов, вскрывший сети тех противоречий, в которых очутилась переживающая страшные конвульсии Европа, представляет безусловный интерес, и поэтому мы приведем его в основных выдержках.

Меморандум французского правительства содержит вводную часть, четыре главы и заключение.

Вводная часть начинается с изложения истории французской идеи (!) европейской федерации. Далее обосновывается своевременность сделанного предложения. В меморандуме говорится:

„Предложение, представленное на обсуждение 27 европейских правительств, находит свое оправдание в том весьма определенном чувстве коллективной ответственности перед лицом опасности, которая угрожает европейскому миру как с точки зрения политической, так равно и экономической и социальной, в связи с тем состоянием несогласованности, в котором еще находится народное хозяйство Европы. Необходимость создания постоянного режима обусловленной солидарности для рациональной организации Европы вытекает непосредственно из интересов безопасности и благосостояния народов, от которых их географическое расположение требует создания в этой части света фактической солидарности".

„Никто сегодня не сомневается, что недостаток увязки между распределением материальных и моральных сил Европы создает на практике наиболее серьезные препятствия для развития и плодотворной деятельности всех политических и юридических учреждений, которые пытаются осуществить первые мероприятия по всеобщей организации мира. Распыленность сил не менее серьезно ограничивает в Европе возможности расширения хозяйственного рынка, попытки интенсифицировать и улучшить промышленное производство, а тем самым ограничивает все гарантии против кризисов труда, источников неуравновешенности как политической, так и социальной. Между тем опасность подобного распыления еще увеличена протяженностью новых границ (более 20 тыс. *км* таможенных барьеров), ко-

торые были установлены мирными договорами, дабы национальным интересам в Европе была дана возможность осуществиться".

„Даже деятельность Лиги наций, обязанности которой еще сложнее, так как она имеет универсальный характер, может встретить в Европе серьезные препятствия, если территориальная раздробленность не будет как можно скорее компенсирована узами солидарности, позволяющей европейским нациям, наконец, отдать себе отчет в европейском географическом единстве и осуществить в рамках Лиги одно из тех региональных (районных) соглашений, которые устав Лиги формально рекомендует".

Большая часть вступления посвящена старательным доказательствам того факта, что идея европейской федерации не ослабляет Лиги наций, не создает организации государств, противостоящих Лиге, не противоречит принципам Лиги наций и т. п.

Затем излагается точка зрения авторов меморандума на отношения между европейской федерацией и другими группами государств:

„Не в большей мере, чем по отношению к Лиге наций, предусматриваемая европейская организация будет противопоставлена какой-либо этнографической группе на других континентах или в самой Европе вне Лиги наций.

Дело европейского сотрудничества отвечает таким непосредственным и жизненным нуждам, что может быть исчерпано всецело в действительно положительной работе, так что не может быть и

речи о том, чтобы оно было направлено или могло когда-либо быть направлено против кого-нибудь. Напротив, это дело должно быть осуществлено на основе полного дружественного доверия и часто даже сотрудничества со всеми другими государствами или даже группами государств, которые достаточно искренно заинтересованы во всеобщей организации мира, дабы можно было учесть интересы некоего единства, еще большего, чем Европы; эти государства к тому же достаточно ясно понимают новейшие законы международной экономики, чтобы в лучшем устройстве упрощенной Европы, — и тем самым Европы, избавленной от постоянной угрозы конфликтов, — искать условия необходимого равновесия в развитии их собственного экономического обмена. В действительности политика европейского союза, для осуществления которой должны служить теперешние поиски первых уз солидарности между правительствами Европы, предполагает концепцию, совершенно противоположную той, которая когда-то могла определять в Европе образование таможенных союзов, стремившихся уничтожить внутренние таможни с тем, чтобы на границах объединения воздвигнуть еще более чудовищные барьеры, т. е. фактически создать инструмент для борьбы против государств, расположенных за пределами объединения. Подобная концепция была бы несовместима с принципами Лиги наций, тесно связанной с понятием универсализма, который остается ее конечной целью, между тем как она преследует или способствует разрешению частичных задач".

Вводная часть меморандума заканчивается заверением, что организация европейской федерации ни в коем случае не предполагает создания преобладающего положения для какого-либо одного государства или ограничения суверенных прав отдельных государств.

В первой главе меморандума констатируется „необходимость факта общего характера, как бы он ни был прост, дабы утвердить принцип европейского морального объединения и торжественно освятить факт солидарности, установленный между европейскими государствами“.

В достаточно и возможно либеральной формуле, но ясно указывающей существенный объект этого объединения, служащего общему делу мирной организации Европы, подписывающие правительства уславливаются систематически сохранять контакт в периодических или экстренных собраниях, чтобы совместно рассматривать все вопросы, „которые могут интересовать в первую очередь объединение европейских народов“.

В пояснительных примечаниях указывается, что таким образом будет закреплено первенство принципа европейского объединения, и этот вопрос отныне будет стоять вне дискуссий.

Глава заканчивается указанием, что в целях сохранения подчиненности европейского объединения Лиге наций первоначально европейский пакт будет объединять только европейские государства, являющиеся членами Лиги наций.

Вторая глава устанавливает „необходимость ме-

ханизма, могущего обеспечить для европейского союза органы, безусловно необходимые для осуществления его задач".

Предполагается создать „европейскую конференцию", состоящую из представителей всех европейских государств—членов Лиги наций, исполнительный орган в виде постоянного политического комитета, состоящего из некоторых членов европейской конференции, и секретариат. Последний должен работать в сотрудничестве с секретариатом Лиги наций; вообще связь с Лигой наций особенно подчеркивается и в этой главе.

Третья глава устанавливает „необходимость заранее выработать существенные директивы, которые должны будут определить общие концепции европейского комитета, направлять его работу по изучению и разработке программы европейской организации".

Первый пункт этой главы устанавливает в принципе подчинение экономических проблем проблемам политическим. В меморандуме заявляется: „Логично и нормально, что экономические жертвы, которые придется принести для общих интересов, не могут получить своего оправдания иначе, как в развитии политической ситуации, обеспечивающей доверие между народами и действительное умиротворение умов".

Смысл этих рассуждений разъясняется в следующем пункте этой же главы, где говорится о политическом европейском сотрудничестве и указывается, что эта концепция предполагает „общее

развитие в Европе системы арбитража и безопасности, единство политики международных гарантий, начатой в Локарно, вплоть до включения договоров или серий частичных договоров в более общую систему".

В той же главе весьма кратко и осторожно говорится об экономической организации Европы, при чем в совершенно общей форме указывается на желательность „рациональной" организации производства и европейского обмена путем все большего облегчения и методического упрощения циркуляции товаров, капиталов и людей, с единственным ограничением с точки зрения национальной обороны каждого государства. Таможенные вопросы должны быть предметом обсуждения специального комитета экспертов.

Четвертая глава намечает вопросы, которые должны в будущем обсуждаться в европейском комитете. В числе этих вопросов имеются обычные проблемы, выдвигаемые Лигой наций. Вообще вся эта глава насыщена фразеологией, принятой в течении последних лет в Лиге наций.

В заключительной части меморандума высказывается пожелание, чтобы запрошенные правительства дали французскому министерству ответ не позднее 15 июля. Меморандум заканчивается торжественной и напыщенной декларацией о том, что „пришло время для объединения наций Европы в пользу Европы и для всего человечества".

Мы привели лишь основные выдержки из панъевропейского меморандума Бриана. Если даже отно-

ситься с доверием к этому пацифистскому документу, то станет ясным, что факт его появления является ярким показателем паники и беспокойства, овладевшего европейской буржуазией перед лицом хозяйственного и политического кризиса, в тисках которого очутилась современная капиталистическая Европа.

В первую очередь это относится к потере Европой ее экономического могущества в результате мощного роста американского капитала, ее раздробления и противоречий между самими европейскими государствами. В самом деле: Европа после войны, как мы уже говорили выше, с каждым днем теряет свой удельный вес в мировом хозяйстве. Достаточно лишь указать на такие разительные цифры: европейская доля в мировом производстве в 1913 году составляла 36%, а в 1926 году всего 31%, при чем эта цифра снижается и дальше, и к настоящему времени доля Европы в мировом производстве едва ли достигает 30%.

Американский капитал вторгается во все мировые рынки, включая и европейские. Только недавно обнаружились интересные факты о захвате американским капиталом балканских стран. В мае 1930 года американская компания „Интернешинэл телефон энд телеграф компани“ получила концессию на эксплоатацию всей телефонной сети в Румынии. Компания эта, тесно связанная с банкирским домом Моргана, получила эту концессию за предоставление румынскому правительству больших кредитов, которые, по неофициальным сведениям, выражаются в 100 млн.

долларов. Американский капитал отнюдь не ограничивается экспансией в Румынии. Недавно крупная американская финансовая группа, также близкая к Моргану, захватила в свои руки электрические заводы Югославии. В борьбе за влияние на балканском рынке Америка неизбежно сталкивается с Францией и Англией, которые, конечно, без боя ей не уступят этого лакомого куска.

Мы уже говорили о том, что одно из величайших противоречий между двумя континентами — между Америкой и Европой — заключается в зависимости Европы от Америки из-за долгов. Это вызывает рост антагонизма между двумя капиталистическими континентами. В первую очередь это находит свое выражение в обостряющейся с каждым днем таможенной войне между Америкой и европейскими государствами. Переживающая экономический кризис Америка установила недавно колоссальные пошлины на ввозимые в Соединенные Штаты европейские товары и тем самым лишила европейские государства важного рынка, через посредство которого государства-должники могли возвращать Америке причитающиеся ей долги. Это в свою очередь вызывает рост покровительственной политики в самой Европе. Идет борьба за господство, борьба за существование, и одним оружием в этой борьбе должен был явиться проект европейского союза.

Итак, план европейской федерации является показателем величайшей паники, овладевшей европейскими капиталистами. В этом вынуждены признаться

даже защитники идеи европейского объединения. Один из авторов специальной работы, посвященной пан-европейскому проекту, пишет: „Европейская экономическая деятельность, которая до четырнадцатого года постоянно прогрессировала и гегемония которой была во всем мире бесспорной, не только перестала развиваться, но и потеряла опору для своего господства. Это вырождение рискует превратиться в катастрофу, которая вынудит Европу потерять не только ее преобладание, но и экономическую, финансовую и политическую независимость“. Этот же автор вынужден констатировать, что кризис особенно больно ударил по европейскому хозяйству: „Вначале, — заявляет он, — мы предполагали, что речь идет о временном кризисе, фатальном последствии бурных процессов, вызванных войной. Опыт показал, что кризис представляет собой длительное положение, определяемое постоянными причинами... К несчастью для Европы ее ослабление серьезно угрожает не только устранением ее гегемонии, но может привести к ее разрушению“. Таким образом даже в толковании защитников идеи европейского союза мы видим проявление основательного беспокойства за судьбы Европы, беспокойства, которое в то же время является сигналом бедствия с тонущего корабля.

Принимавшиеся Лигой наций меры к устранению экономических противоречий внутри европейских государств до сих пор ни к чему не приводили. Известно, что 10-я сессия Лиги Наций, прошедшая под лозунгом „экономического пацифизма“, должна

была принять какой-то план „экономического разоружения“, предложенного англичанами в форме „таможенного перемирия“. В результате этого в марте 1930 года в Женеве было подписано международное торговое соглашение, которое однако до сих пор не может быть реализовано вследствие противоречий внутри европейских государств, и особенно между аграрными и индустриальными странами.

Не требуется тщательного разбора французского меморандума для того, чтобы прийти к выводу, что за попыткой экономического объединения Европы пан-европейский проект безусловно представляет собой империалистическое оружие, способное лишь обострить противоречия в современной Европе. Совершенно ясно, что дипломатическими средствами Европа не сможет избежать ожидающей ее неизбежной судьбы. А меморандум Бриана именно и является документом, в котором политика довлеет над экономикой. Это обнаружилось тотчас же после опубликования французского меморандума. Уже тогда стало совершенно очевидным, что французский проект представляет собой империалистическое орудие, способное лишь обострить положение капиталистической Европы. Эта истина — очевидна.

А так как еще Гегель в своей диалектике говорил что абстрактных истин нет, что истины всегда конкретны, мы постараемся эту конкретность истины показать.

ГЛАВА IV

ДАМОКЛОВ МЕЧ

Европа против Америки. — Англо-американские противоречия. — Европа и американские долги. — „Комбинируют против нас“. — Пан-Европа против Советского Союза.

Еще германский „железный канцлер“ Бисмарк говорил, что пресса — это не общественное мнение. Однако к суждениям мировой печати по вопросу проекта европейской федерации мы можем отнестись с некоторым доверием. Именно европейская буржуазная пресса наиболее ярко вскрыла все противоречия пан-европейского меморандума и в то же время обнажила империалистическую сущность французского проекта.

Хотя Бриан с видом невинной девушки пытается до сих пор отрицать империалистическую заостренность своего проекта, заявляя, что „не может быть и речи о том, чтобы европейское объединение было направлено или могло бы быть направлено против кого-нибудь“, все же именно эта агрессивная сторона раньше всего бросилась в глаза в пан-европейском проекте: безусловно против Соединенных Штатов Америки и СССР направлена

идея европейского объединения. Зная это, Бриан предусмотрительно вручил копии своего меморандума САСШ, СССР и Турции, не входящим в Лигу наций, для того чтобы подчеркнуть этим отсутствие каких-либо агрессивных намерений во французском проекте. Мы однако приведем ряд выдержек из авторитетнейших иностранных газет, которые при обсуждении плана Бриана весьма недвусмысленно вынуждены были констатировать то обстоятельство, что европейская федерация явилась бы раньше всего оружием в борьбе против американского господства в Европе и страны победоносного социалистического строительства—Советского Союза.

Мы уже говорили о том, что противоречия между Америкой и европейскими капиталистическими странами с каждым днем обостряются. Американский капитал уже давно отказался от пресловутой доктрины Монроэ — известного призидента САСШ, который в свое время формулировал отношения между Европой и Америкой в знаменитой своей крылатой фразе „Америка—для американцев". Монроэ еще в XIX веке проповедывал невмешательство Соединенных Штатов Америки в международные вопросы и в частности в европейские дела. С тех пор прошло много времени, и от доктрины Монроэ ничего не осталось. Ведшая вначале оборонительную политику, Америка по мере роста своего могущества стала сбрасывать с себя покровы ханжества, обнажив свое настоящее лицо. Америка перешла ныне в наступление по всем линиям своей хозяй-

ственной и империалистической политики. На мировых рынках, в колониальной борьбе Америка показывает свой бронированный кулак.

Наиболее ярким показателем этого является рост англо-американских противоречий, не ускользнувший от внимания автора уже упоминавшейся нами книжки „Америка завоевывает Британию", Людвелла Денни, которой предсказывает неизбежность войны между Англией и Америкой, при этом восхваляя могущество Северо-Американских Соединенных Штатов. В этом же вынужден был признаться германский публицист А. Файлер, который в своей книге „Америка и Европа" также указывал на закабаление Европы Америкой. Но, подобно Троцкому, он не предвидел неизбежного в связи с этим роста противоречий между Америкой и Европой, противоречий, могущих привести к столкновению между европейскими государствами и Северо-Американскими Соединенными Штатами, особенно по линии противоречий между Британией и Америкой. Достаточно для этого указать на факт попыток САСШ упрочить свое господство на всем американском континенте, чтобы лишить тем самым Британию влияния в ее колониях, расположенных в Северной и Латинской Америке. Для этого САСШ создали еще давно свою „пан-Европу" — Пан-американский союз, целью которого номинально является „содействие торговле и хорошим отношениям между народами, являющимися его членами". В действительности Пан-американский союз, находящийся в Вашингтоне и объединяющий

21 государство Америки, является орудием утверждения господства САСШ над всем американским континентом.

Противоречия между Америкой и Англией будут продолжать с каждым днем обостряться. Они могут привести к величайшей катастрофе, о которой в свое время говорил немецкий поэт:

На земле два могучих народа
Борьбу за господство ведут.
Под угрозой всех наций свобода —
Трезубцы сверкают и молнии жгут.

Пока что „трезубцы“ еще не пущены в ход так, как это представляет себе поэт, но экономическая борьба и противоречия между двумя континентами продолжают обостряться. Раньше всего они находят выражение в таможенной борьбе и в европейских попытках облегчить бремя американских долгов, взваленное на плечи Европы.

В октябре 1930 года крупнейший экономист Фишер опубликовал в „Кельнише Фольксцейтунг“ статью о кризисе всей системы международных долгов. Эта статья авторитетного экономиста довольно ясно рисует картину взаимоотношений между двумя континентами. „Падение товарных цен,— писал Фишер, — неизбежно должно привести к пересмотру вопроса о долгах Европы Америке“. Фишер указывает, что союзники получили в САСШ займы в долларах, покупательная способность которых равнялась 51—53 довоенным центам. Стоимость же доллара, которым сейчас покрываются эти долги, достигает 79 довоенных центов. Это означает повы-

шение бремени долгов на 55%. Фишер заявляет, что до тех пор, пока деньги, которыми покрываются долги, не будут стабилизованы, миру угрожает опасность войны. „Положение ухудшается тем, что САСШ, повысив таможенные тарифы, тем самым поставили в затруднительное положение своих должников, которые могут выполнять свои обязательства лишь при помощи экспорта товаров, а повышение таможенных ставок САСШ вынудило Англию и континентальные государства Европы, а также страны Южной Америки, в свою очередь повысить ввозные пошлины". Возлагая надежды, как и многие пацифисты, на приход „великого человека", Фишер одновременно считает необходимым созыв международной конференции для урегулирования вопроса о международных долгах и стабилизации цен.

Еще до Фишера швейцарская газета „Нейе Цюрихер Цейтунг" напечатала статью о таможенной политике, в которой мы находим следующее резкое обращение по адресу Америки: „САСШ, — пишет газета, — намерены таможенным тарифом Хоулей-Смут превзойти все, что до сих пор в этом отношении знала история. Этим повышением тарифов нарушаются экономические интересы всего мира как в Южной Америке, так и в Европе. Определенные отрасли промышленности, как, напр., в Швейцарии — часовая промышленность, во Франции — некоторые отрасли текстильной промышленности, стоят перед угрозой краха. Что касается Швейцарии, то американская таможенная политика создаст

не менее 25 тысяч безработных. 38 государств протестовали против таможенных тарифов САСШ. Эта политика чревата далеко идущими последствиями". Далее газета считает, что вследствие угрожающего курса американской экономической политики план Бриана о создании европейского союза „несомненно становится весьма актуальным".

Ллойд Джордж в своей статье, посвященной пан-европейскому проекту Бриана, из этих же соображений замечает, что „Европа начинает чувствовать мертвую хватку американского финансового капитала". „Европа,— пишет он,— попадает все более в рабскую зависимость от доллара. И это обстоятельство является причиной разговоров о братском объединении европейских народов".

Американская печать также вынуждена была признать это обстоятельство. Еще во время локарнской конференции, когда выявились первые попытки объединения Европы, „Нью-Йорк Таймс" в статье под заглавием „Америка и новая Европа" указывал, что „первоочередная задача Америки — приспособиться к новому положению, создавшемуся в Европе". Когда же стал известным всему миру французский меморандум, американский экономический орган „Джорнел оф Коммерс" в передовой под заглавием „Комбинируют против нас" писал, что „люди, знакомые с предложением Бриана, не верят протестам Бриана и его сторонников, пытающихся создать впечатление, будто предложения эти не направлены против САСШ и СССР". Газета „Нью-Йорк Ивнинг Пост" поместила даже весьма

едкую карикатуру, в которой изображался меч с надписью „Европейское единство“.

Конечно, можно отрицать факт антиамериканского назначения европейского союза, можно, подобно Бисмарку, не придавать, серьезного значения заявлениям прессы, но сокровенная сущность антагонизма между Европой и Америкой остается в силе и обнаруживается с достаточной ясностью во французском меморандуме.

Америка конечно не боится европейского объединения. Американский империализм достаточно силен для того, чтобы принять вызов „объединенной“ Европы, и поэтому американские политики заняли выжидательную позицию, следя за дальнейшим ходом событий.

Авторы французского меморандума с большим упорством также отвергают и антисоветскую сущность европейской федерации. Однако уже один тот факт, что Советский Союз, казалось бы, также расположенный на территории европейского континента, не приглашен к участию в европейском сотрудничестве, свидетельствует о несомненной антисоветской заостренности пан-европейского проекта. Мы не будем обсуждать вопрос о том, согласился ли бы Советский Союз на участие в европейском объединении, но во всяком случае факт неприглашения СССР вскрывает истинное лицо „миролюбивых“ намерений французских дипломатов.

Характерно, что еще в 1929 году на вопрос английского журналиста, намерены ли инициаторы пан-Европы просить СССР участвовать в федера-

ции, Бриан заявил: „Задача и без того широка, с меня и этого хватит“.

На другой вопрос того же журналиста,—возможно ли участие СССР в европейской федерации,—Бриан с раздражением ответил: „Просить мы ничего не будем и становиться на колени ни перед кем не собираемся. В Лиге мы привыкли к демократии, а не к аристократическим просьбам... Впрочем, после того как соглашение между государствами состоится, не будет исключена возможность присоединения к этому соглашению и других государств, помимо тех, которые уже проявили интерес к нему до настоящего времени. Если Россия пожелает присоединиться, то этот вопрос будет изучен“.

Но мы знаем, как „изучает“ Бриан советские проблемы. Мы знаем, как ежедневно из Парижа в Варшаву, в Бухарест, в Гельсингфорс и Ревель совершают таинственные путешествия чины французского генерального штаба, сопровождая транспорты военного снаряжения под видом благонамеренных туристских экскурсий. Известно, как упорно в Париже, не без ведома Бриана, изучают карту Советского Союза и подготовляют стратегические планы для открытого выступления против СССР. Карты Бриана, играющего неплохо роль проворной гадалки, раскрывают его же ближайшие соратники. Один из вдохновителей пан-европейского движения —граф Куденгоф-Калерги —недвусмысленно заявил, что если идея пан-Европы не будет осуществлена, то „Европа будет низвергнута в хаос большевизма“.

Если антиамериканская сущность бриановского проекта, быть может, на время будет сглажена какими-нибудь дипломатическими соглашениями, то антисоветский характер пан-Европы обнаружился на состоявшемся весной 1930 года в Берлине совещании „энтузиастов“ европейской федерации. Этот факт также не отрицается большинством иностранных газет и журналов.

Некоторые из них небезынтересно процитировать.

Газета „Берлинер Берзен Курьер“ пишет: „С тех пор, как красное знамя появилось в некоторых французских казармах и на некоторых военных судах, пришлось поневоле призадуматься над мерами противодействия большевизму. Теперь надеются одним ударом убить двух зайцев. Собрание антибольшевистских сил Европы под эгидой Франции — несомненно“.

Английская „Манчестер Гардиан“ прямо заявила, что „это неизбежно приведет к превращению европейской федерации в антисоветскую организацию“. Наконец, характерно состоявшееся в чехо-словацком сенате обсуждение вопроса о пан-Европе, во время которого выступил национал-демократ Дик с речью, наполненной антисоветскими выпадами. Дик указал, что „без разрешения русской проблемы мир невозможен“. „Без России,— заявил Дик,— не может быть пан-Европы, а пан-Европа и Советский Союз — это вещи несовместимые. Мировая война еще не ликвидирована окончательно. Наш долг не забывать о самом большом славянском государстве“. Показательно, что министр иностранных дел Бенеш по-

спешил полностью присоединиться к мнению сенатора Дика.

Не менее симптоматично и то, что ярым защитником проекта Бриана оказался Ватикан, тот самый, который предал анафеме Советский Союз и не без участия французского правительства возглавил крестовый поход против Советского Союза. Орган Ватикана „Обсерваторе Романо“ с божественной слащавостью пишет: „Для участия в европейской федерации необходим минимум корректности, и мы не будем оплакивать исключения тех, кто помышляет только о разрушительской деятельности (!) и неспособен сотрудничать при новом строительстве. Ведь еще Генрих IV, выдвигая идею европейской федерации, исключал из федерации именно Россию, в силу ее отдаленности“. Итак, даже Ватикан нашел оправдание для „героического“ поступка Бриана.

Но если буржуазная печать говорит об антисоветском характере пан-Европы, не указывая ни на кого пальцем, то заграничная коммунистическая печать полностью разоблачила готовящуюся организацию нового антисоветского блока.

Орган американской коммунистической партии „Дейли Уоркер“ писал в своей передовой статье: „План Бриана предусматривает создание антисоветского фронта и в меньшей степени имеет в виду оказать помощь европейским капиталистам в их борьбе с растущей угрозой империализма САСШ“. Английская коммунистическая „Дейли Уоркер“ прямо заявила, что „пан-европейская схема откры-

вает следующую стадию развития подготовки войны против СССР". И, наконец, во французской коммунистической „Юманите" в статье, озаглавленной „Европейский союз означает антисоветский блок", мы находим следующее: „Неудача лондонской конференции, воинственные возгласы Муссолини, морские демонстрации в Алжире, бесконечный ряд антисоветских покушений — все это делает проект Бриана совершенно утопическим. Иначе, однако, обстоит дело, если этот проект рассматривать с точки зрения отношения империалистического мира к Советскому Союзу". „Юманите" приводила цитаты из некоторых газет, свидетельствующие о беспокойстве, охватившем руководящие классы перед ростом социализма в СССР, а также заявление Тардье и нефтяного короля Детердинга о „большевистском раке, который подтачивает Европу". „Юманите" далее писала: „Меморандум Бриана является рукой помощи, протянутой французским империализмом буржуазии других стран. Отчасти он направлен против САСШ, агрессивность которых растет по мере углубления экономического кризиса. По существу же он представляет собою острее меча, направленного империализмом против страны, строящей социализм".

Комментарии излишни. Вместе с голубем мира Бриан выпустил из клетки сокола войны, который вряд ли оставит беззащитную голубицу долго взмахивать своими порхающими крыльями над начиненной порохом капиталистической Европой.

Итак ссылки на то, что Советский Союз не является членом Лиги Наций, а поэтому не может

участвовать в европейской федерации, не имеют под собой никакого основания. Дело в том, что французские империалисты именно и мыслят европейскую федерацию без Советского Союза, и не только без него, но и против него. Об этом свидетельствуют события, непосредственно последовавшие после появления на свет французского меморандума. О них мы будем говорить впоследствии. Пока же мы выяснили правильность нашего утверждения о том, что идея европейского меморандума представляет собой повисший на волоске дамоклов меч, направленный против Америки и СССР.

Небезынтересно также ознакомиться с другими выявившимися в ходе обсуждения французского меморандума в европейской печати сторонами этой акции, способствовавшей лишь дальнейшему обострению противоречий между европейскими государствами.

Что же еще обнаружилось во время первоначального обсуждения французского меморандума в западно-европейской печати?

ГЛАВА V

ЕВРОПА ДЫБОМ

Чего добивается Франция? — Наполеон и его потомок Бриан. — Франция и 120 миллионов европейцев. — Голоса против. — Пан-Европа и Лига наций. — Наболевшие раны.

Если бы французская инициатива о создании европейской федерации была направлена исключительно против Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, она бы вне всякого сомнения встретила на первых же порах поддержку со стороны большинства европейских государств. Однако французский проект вскрыл еще ряд новых язв, продолжающих нарывать на теле послевоенной Европы.

Как только стал известен текст меморандума Бриана, в европейской печати началась оживленная дискуссия, в которой принимали участие крупнейшие политические деятели буржуазной Европы. Одним из первых высказался старый волк французского империализма Пуанкаре, который в своей статье, помещенной в газете „Эксцельсиор", подверг жестокой критике французский меморандум, посоветовав Бриану не „смешивать мечтаний с ре-

альностью". Пуанкаре, разбирая противоречия между отдельными европейскими государствами, совершенно справедливо назвал Старый Свет „больной Европой". Вслед за Пуанкаре высказались другие видные политики Западной Европы и крупнейшие газеты, выставившие ряд серьезных аргументов, сводивших на-нет всю французскую затею.

Какая же группа внутриевропейских вопросов была затронута в прессе в момент первоначального обсуждения французского меморандума?

В ходе пан-европейской дискуссии сразу обнаружилось, что Франция проявила свою инициативу главным образом для того, чтобы создать под своей гегемонией блок европейских государств. Это утверждение не вызывает никаких сомнений, ибо если внимательно изучить всю историю французского империализма, то вряд ли на европейском континенте, особенно после войны, найдется другая страна, про которую можно с такой справедливостью, как про Францию, сказать, что она играет роль мирового разбойника и жандарма. Ведь еще Ленин говорил, что французский империализм, особенно после Версальского мира, играет „самую реакционную роль в мире". Известно, что идея объединения Европы под гегемонией Франции является заветной мечтой французского империализма. На этот счет удачно высказался Ллойд-Джордж, заявивший в своей статье, посвященной пан-европейскому проекту, что „мы имеем дело со старым французским идеалом. При попытке осуществить план объединенной Европы Наполеон отпра-

вился на континент и уложил на полях сражений миллионы европейцев". К исторической справке Ллойд-Джорджа можно лишь привести документальную выдержку из политического завещания Наполеона от 17 апреля 1821 года, в котором он писал: „Я был вынужден укротить Европу оружием, сейчас это нужно сделать убеждением... Надо соединить Европу неразрывными узами федерации". Таким образом автор французского меморандума Аристид Бриан решил оказаться достойным потомком своего воинственного предка.

Зачем Франции понадобилось создание европейской федерации? Дело в том, что за последнее время Франция оказалась политически изолированной. В Европе начинают раздаваться возгласы о ревизии Версальского мира, а это означает ослабление могущества Франции. Вот почему в идее европейского единства Бриан уделяет столь много внимания пресловутой французской формуле „безопасности" и „арбитража". Этим самым французский империализм хочет еще больше закрепить свое превосходство на континенте, сохранить всю нынешнюю систему военных союзов и создать в своих руках новый инструмент для сохранения версальской добычи. Наконец, Франция, официально пригласив Англию к участию в европейском союзе, втайне мечтает о создании европейского блока, направленного и против английского влияния в Европе. Если об этом откровенно не высказался сам Бриан, то его достойный оруженосец, редактор французской газеты „Матен" Зауэрвейн, об этом прогово-

рился довольно открыто. Последний заявил, что наиболее реальной и разумной стороной паневропейского проекта, еще до Бриана разработанного австрийским графом Куденгофом-Калерги, является установленная им цифра населения, которое должно быть охвачено европейской федерацией. Последняя по мнению Зауэрвейна может быть создана при условии, если в состав федерации войдут правительства, „представляющие 120 миллионов европейцев“. Заявление Зауэрвейна расшифровал „Берлинер Берзенкурьер“, доказавший, что цифра 120 миллионов европейцев означает исключение Англии и СССР из числа членов европейской федерации. Вот почему немецкая газета „Националь Либерале Корреспон енц“ в своей статье, посвященной меморандуму Бриана, рекомендовала „не верить данайцам, дары приносящим“, то-есть не верить французским заботам о европейском единстве. В том же духе высказались и многие другие газеты. Орган германских националистов „Дейтше Альгемейне Цейтунг“ высказал мнение, что французская политика в значительной степени обогатилась новой терминологией, но не новыми идеями. По мнению газеты, точно так же, как Франция не сдержала своих обещаний в вопросе о разоружении после получения гарантий безопасности, так, по всей вероятности, должно случиться и с новыми планами Бриана. Немецкая же газета „Кельнише Цейтунг“ прямо заявила, что за планами Бриана скрываются не моральные соображения, а французская военная мощь, которая будет препятствовать

осуществлению того, что не соответствует ее интересам.

Следующий важный вопрос, выявившийся в ходе обсуждения французского меморандума, — это полный параллелизм европейской федерации с уже существующей Лигой наций. В самом деле, Лига наций, как известно, ставит перед собой те же задачи, которые выдвигаются во французском меморандуме. А между тем по проекту Бриана в результате европейского союза должен был быть создан аналогичный с Лигой наций исполнительный орган с постоянным политическим комитетом, с секретариатом и т. д. Хотя французский проект упорно подчеркивает, что в европейскую федерацию будут входить только члены Лиги наций, а поэтому и престиж Лиги будет сохранен, все же в Европе сразу усмотрели „величайшую опасность", таящуюся в проекте Бриана. Итальянская газета „Джорнале д'Италиа" назвала проект Бриана „опасным дубликатом", заявляя: „Или Лига наций не нужна, или ее существование находят полезным. Существование европейской лиги внутри мировой лиги будет постоянно вызывать споры о компетенции обеих организаций". „Причин для разногласий и так много, — заявляла газета, — а объединение государств вызывает к жизни контр-объединение". Официальный орган Лиги наций в Женеве прямо заявил: „Если мы будем иметь две Лиги наций, то прочность гарантий мира уменьшится в два раза". Той же точки зрения придерживался известный германский публицист Макс Бер, который занимал до 1930 г.

крупный пост в секретариате Лиги наций. В „Кельнише Цейтунг“ Бер заявил, что бриановская система европейской федерации значительно ослабит Лигу наций и что существование ее будет полностью находиться в руках нового европейского союза.

Ряд сомнений вызвал также вопрос о принципе „наибольшего благоприятствования“, [1] фигурирующий в проекте Бриана. Этот принцип не имеет под собой никакой почвы вследствие противоречий между европейскими хозяйственными единицами, и поэтому вызвал основательное недоумение в трезвой буржуазной печати.

Европа встала на дыбы и показала свое истинное лицо, несмотря на призывы Бриана к европейской совести, ибо уже давно существует убеждение, что европейская совесть — это такая госпожа, адрес которой давно потерян и никому не известен.

В капиталистической Европе в настоящее время заметна перегруппировка сил, вызывающая различные новые империалистические комбинации, базирующиеся на ревизии Версальского договора. Особенно это заметно в Германии, которая скрыто пытается проводить политику „реванша“ по отношению к французскому империализму.

Как же в Германии отнеслись к французскому меморандуму?

Как известно, Германия открыто ныне выдвигает свои империалистические претензии и заявляет

---

[1] Включаемое в международный договор условие, по которому на заключающее данный договор государство автоматически распространяются все экономические льготы и преимущества, представляемые любому другому государству.

о своем намерении принять участие в борьбе за рынки. Германия добивается пересмотра Версальского договора, и поэтому германская печать расценивала идею европейской федерации не весьма дружелюбно, понимая, что она еще больше свяжет ее международную деятельность. Поэтому еще на состоявшейся в мае в Берлине неофициальной пан-европейской конференции отсутствовал министр иностранных дел Германии Курциус. Обсуждение пан-европейского проекта в Германии усилило ревизионистские тенденции в отношении Версальского договора. „Берлинер Тагеблатт" прямо заявил, что Франция стремится к стабилизации Европы на основе версальской системы. Вслед за этим произошло известное выступление германского министра Тревирануса, поставившего ребром вопрос о Данцигском коридоре и германских границах. Это выступление, вызвавшее большое возмущение польской печати, явилось весьма симптоматичным в отношении перемены внешнеполитического курса германского империализма. Наряду с этим зависимость Германии от американских кредитов и ее торговые отношения с СССР заставили германскую прессу поставить серьезно вопрос об антисоветской и антиамериканской заостренности французского проекта.

Еще резче обсуждался французский проект в итальянской печати. Италия, находящаяся в прямом противоречии с Францией в вопросах морского разоружения, увидела в пан-европейских разговорах Бриана стремление затушевать франко-итальянские противоречия, особенно обострившиеся после лон-

донской конференции. В Италии прямо заявили, что итальянцы не собираются таскать каштаны из огня для Франции, пытающейся закрепить свою гегемонию в Европе. Муссолини выступил с резкой отповедью „краснобаям Соединенных Штатов Европы“. В своей статье, помещенной почти во всей европейской печати, Муссолини писал: „Мы имеем много мирных договоров и всевозможного рода соглашений, рассчитанных на предотвращение войны. Включая Россию, почти все страны подписали пакт Келлога. Сюда присоединяется и Локарнское соглашение, и тройственное соглашение между Великобританией, Соединенными Штатами Америки и Японией о морских вооружениях. В Лиге наций все работают над вопросами разоружения. Так нагромождается один мирный документ на другой... Тем не менее имеется опасность войны. Именно эти мирные документы подтверждают ее. Каждая страна гонится за другой“. Вождь итальянского фашизма весьма удачно охарактеризовал современное положение в Европе, о котором еще в XIX веке писал поэт:

Какая премудрость у них в договорах,
А там, между тем, на родимых землях,
Готовятся флоты и пушки и порох.

К словам Муссолини присоединила свой голос вся итальянская пресса, довольно злобно критиковавшая проект Бриана.

Несколько иную позицию заняла Англия. Как выразился в „Матен“ Зауэрвейн, Англия отнеслась

„глухо к проекту Бриана“. Это утверждение не было лишено основания. Помимо того, что Англия видела в проекте Бриана попытку Франции играть руководящую роль в решении судеб Европы, Англия озабочена своими внутренними имперскими вопросами, которые выдвинули на повестку дня английской политики проблему объединения распадающейся Британской империи. Кроме того, обострение англо-американских противоречий еще не вступило в такую стадию, когда Англии пришлось бы прибегнуть к оружию европейского союза. Поэтому-то во время майской сессии Совета Лиги наций в 1930 году Гендерсон весьма неуверенно обещал поддержку французской инициативе.

Видя создавшееся положение, французская официозная печать, воспевавшая грандиозность проекта Бриана, с упреком обращалась к своим европейским соседям. „Тан“ писал, что каждая страна „рассматривает проблему федерации со своей национальной колокольни. С такими настроениями, — заключала газета, — нельзя серьезно разговаривать об организации Европы“.

Конечно, нашлись и ярые защитники французского проекта. В первую очередь таковыми, как и следовало ожидать, явились ближайшие вассалы французского империализма — Румыния, Польша и другие страны, печать которых приветствовала Францию, у которой, как говорили в Румынии, „лежат ключи к европейскому миру“.

Таким образом первый этап в обсуждении панъевропейского проекта, вокруг которого сразу же

после его вручения европейским государствам развернулась оживленная дискуссия, вскрыл достаточно ярко все стороны этого нового политического шага на европейской шахматной доске. Обнаружились глубокие противоречия, которые однако не смогли помешать дальнейшему ходу вещей. Меморандум был вручен. Европейские государства должны были на него отвечать.

ГЛАВА VI

ДЕРЖАВЫ ОТВЕЧАЮТ

Ответы Германии, Италии и Англии. — Претензии европейских держав.—Беспокойство, имеющее основания.—Разоблачение Франции. — Позиция Англии. — Первые итоги.

Развернувшаяся после вручения французского меморандума дискуссия в значительной степени определила ответы государств на пан-европейский проект. Среди всех этих документов наибольший интерес представляют ответы Германии, Италии и Англии, ибо они являются наиболее характерными и наиболее значительными как по своему политическому значению, так и по удельному весу этих государств в европейской политической жизни. Надо однако заметить, что дипломатическая тактичность и „общее стремление к миру и единству“, которыми якобы проникнута политика европейских государств, заставили их с большой осторожностью, во-первых, принципиально признать желательным создание европейской федерации, а во-вторых, выдвинуть наряду с этим ряд новых положений, которые, по существу говоря, сводят на-нет всю французскую инициативу.

Германский ответ на меморандум Бриана, занимающий около 12 страниц, отпечатанных на пишущей машинке, носит довольно бесцветный характер. „Германия,—говорится в ответе,—более всех других стран ощущает недостатки структуры Европы. В интересах Германии устранить эти недостатки, и германское правительство с готовностью будет содействовать разрешению обще-европейской проблемы“.

„Ставя себе целью осуществление действительного мира в Европе, — говорится далее в ответе, — на принципах справедливости и равенства, Германия присоединяется к мнению французского правительства, что причины бедственного положения Европы коренятся, главным образом, в современной политической структуре Европы. Все попытки улучшения политического положения Европы зависят от того, будут ли применены ко всем без исключения государствам принципы полного равноправия и одинаковой безопасности. Там, где существующие условия противоречат этим принципам, должны быть найдены действительные средства для их применения. Однако, — по мнению германского правительства, — более тесное сотрудничество европейских стран в экономической области не должно быть поставлено в зависимость от создания большей безопасности. Германское правительство считает уместным продолжить усилия, направленные к облегчению развития европейского хозяйства и изменению таможенной политики. Соображения военного характера не должны выдвигаться на первый план при обсу-

ждении хозяйственных вопросов. Должны быть приняты во внимание все последствия, вытекающие из особого положения отдельных стран в связи с их финансовой задолженностью в результате войны. Германское правительство присоединяется к мнению, что Лига наций не должна понести никакого ущерба в результате стремления европейских государств к сотрудничеству. Поэтому даже в случае принципиального единодушия необходимо было бы подвергнуть серьезному сомнению вопрос о том, соответствует ли создание специальных европейских органов той заботе, которой необходимо окружить Лигу наций. Германское правительство усматривает ближайшую задачу в выяснении конкретных предметов европейского делового сотрудничества. Германское правительство считает, что на ближайшее совещание в Женеве должны быть допущены представители европейских стран, не являющихся членами Лиги наций, а также представители вне-европейских стран".

Таков текст германской ноты в ответ на панъевропейское предложение Бриана. Весь текст германского ответа можно разбить на следующие основные тезисы: 1) Германия приветствует инициативу Франции, ставящую себе целью добиться реформы государственных отношений в Европе, и обещает сотрудничество Германии в международных переговорах, посвященных этой цели. 2) Германское правительство считает, что сближение европейских государств не должно быть направлено против какой бы то ни было вне-европейской

державы, а также не должно отстранить от решения европейских проблем СССР и Турцию. 3) Германия соглашается с французским мнением, что сближение европейских держав должно начаться с урегулирования политических вопросов, ибо нынешние отношения между европейскими державами не могут являться фундаментом, на котором можно построить новую Европу. 4) Не дожидаясь политических перемен, европейские государства должны искать хозяйственного сближения между собой. 5) Необходимо избегать организационных форм европейского сближения, которые бы выхолостили Лигу наций. 6) В сентябрьских переговорах, т. е. во время предусмотренной меморандумом пан-европейской конференции, должны принять участие и те европейские государства, которые не являются членами Лиги наций.

Надо сказать, что, несмотря на то, что германская нота подняла ряд серьезных вопросов, все же по своему характеру она была немощна, ибо Германия не осмелилась противопоставить Франции свои стремления к ревизии Версальского мира. Она отделалась только на этот счет лишь намеками, которые, правда, во Франции были немедленно поняты. В Германии ответ на меморандум Бриана был принят благоприятно всеми партиями от социал-демократов до народной партии. Различно лишь отнеслись к тону, с которым Германия делает свои оговорки. Так, „Форвертс“ приветствовал германский ответ, как продолжение традиционной политики соглашения прежних правительств. Газета особенно хвалила

„осторожность“, с которой Германия высказала свои пожелания о пересмотре мирных договоров.

Орган центра „Германия“ констатировал, что из германской ноты можно заключить, что пан-Европа неосуществима без пересмотра границ и разоружения.

Французская пресса осталась несколько недовольной германским ответом. Близкая к правящим кругам часть французской прессы во главе с „Тан“ лишь вскользь отметила, как положительный факт, что Германия изъявляет готовность к сотрудничеству с Францией в вопросе европейской федерации. Газеты с нескрываемым раздражением обрушились на Германию за ее пользование бриановским проектом для того, чтобы во всем объеме поставить коренные вопросы европейских послевоенных международных отношений. Предложение Германии о приглашении на совещание в Женеве по вопросу об организации пан-Европы, представителей европейских стран не являющихся членами Лиги наций, французской печатью так же, как и впоследствии французским правительством, было обойдено молчанием.

Нерешительность Германии в ее ответе объяснялась существенными разногласиями внутри самого германского правительства по этому вопросу. Установлено, что германской ноте предшествовали совещания правительства, на которых наблюдались два течения. Часть членов правительства высказывалась за необходимость оставления руководящей роли Франции для того, чтобы французское правительство

могло нести ответственность за судьбы пан-европейской затеи, а другая часть министров высказывалась за внесение более конкретных предложений со стороны Германии. Ответ германского правительства свидетельствует о победе первого течения.

В германской ноте заметно некоторое стремление Германии к сотрудничеству с Францией, а также намеки на необходимость равной безопасности, что должно означать собой снятие запрета с вопроса об объединении Германии и Австрии и снятие ограничений для германских вооружений. Из боязни испортить свои отношения с некоторыми европейскими и вне-европейскими странами Германия вынуждена была указать на желательность приглашения к участию в пан-европейской конференции СССР и Турции и на необходимость избежать антиамериканского значения европейской федерации. Характерно, что так же, как и некоторые другие государства, Германия чаще употребляет не французский термин „федерация“, а слова „европейское сотрудничество“.

В общем германский ответ, выдвинувший ряд весьма важных вопросов, все же в политическом отношении оказался беззубым, несмотря на то, что Германия имела все основания в своей ноте дать бой французским дипломатам. Объясняется это некоторыми надеждами на франко-германское сближение, появившимися в результате эвакуации Францией Рейнской области. Больше того, рупор Бриана — Зауэрвейн — одновременно с германским ответом опубликовал в „Матен“ статью, в которой заявил, что „европейский союз должен быть создан на основе

франко-германской антанты". Эта статья, явившаяся лишь политическим трюком, все же была знаменательной уже по одному тому, что она показала, как далеко идут французские обещания Германии. В своей статье Зауэрвейн дает французский вексель Германии на возможность восстановить ее военную мощь и обеспечить связь с Восточной Пруссией (возврат Данцигского коридора). Это заявление газеты „Матен" явилось лишь попыткой привлечь Германию на сторону Франции на случай ее войны против СССР и возможных столкновений с Италией. Выступление Зауэрвейна было встречено в Польше с большим недовольством, ибо оно предусматривало франко-германское сближение за счет польских границ. Зауэрвейну пришлось дать смягчающие объяснения покровительствуемой Францией стране. Таким образом германский ответ вызвал в Европе ряд совершенно неожиданных конфликтов, которые в той или иной мере повторялись и будут повторяться.

Не в пример Германии итальянский ответ ставит вопрос о пан-европейской федерации более резко и основательно. Ответ Италии является по существу противоположным бриановскому проекту. Итальянский ответ подчеркивает необходимость „подлинного равенства всех входящих в пан-Европу государств, как малых и больших, так побежденных и победителей". Итальянский ответ категорически ставит вопрос о разоружении как предпосылке безопасности, вопреки французской теории безопасности как предпосылки какого бы то ни было разоружения или хотя бы уменьшения вооружений.

Итальянская постановка вопроса о разоружении в столь открытой форме нанесла серьезный удар по французской позиции систематического саботажа разоружения. Наконец, итальянское правительство не считало возможным осуществление пан-европейских планов вне участия СССР и Турции. Однако, в то же время итальянское правительство выразило свое согласие принять участие в дальнейшем обсуждении проекта европейской федерации.

Итальянская печать, приветствовавшая ответ своего правительства, довольно резко комментировала сущность европейской федерации. Римская газета „Трибуна" подняла занавес, прикрывающий истинные намерения Франции, заявив, что „до тех пор, пока Франция не поймет того, что ей нужно оставить мысль о гегемонии, можно быть уверенным, что не удастся осуществить европейский федеративный союз". Германская печать почти полностью одобрила итальянский ответ на меморандум Бриана. „Кельнише Цейтунг" прямо заявила, что итальянская нота чрезвычайно ловко разрушила французские планы. Многие газеты и в частности турецкий официоз „Хакимиет Миллиет", касаясь вопроса о Турции и СССР, писали: „Итальянцы совершенно справедливо поняли, что проект европейской федерации без участия Турции и СССР должен вызвать неблагоприятные комментарии".

Французская печать осталась, конечно, недовольна итальянским ответом и подвергла его злобной критике. Большинство газет указывало на невозможность привлечения СССР и Турции к участию в пан-

европейской федерации, так как они якобы являются „не столько европейскими, сколько азиатскими государствами“. Контрпредложение итальянского правительства выгодно отличается от бриановского документа точностью политических целей Италии, которая в то же время непрочь использовать проект Бриана для установления морского паритета с Францией.

Следующим любопытным ответом на французский меморандум следует считать ответ Англии, которого вся Европа ожидала с большим нетерпением. Английская нота носит весьма уклончивый характер. Она начинается, конечно, с официальных комплиментов Франции и с выражений симпатии к идее „сотрудничества народов“. Англия высказывает надежду, что французская инициатива поведет к установлению большего взаимного доверия между государствами и уменьшению препятствий к развитию между ними торговли и экономического сотрудничества. Подчеркивая необходимость соблюдения независимости и национального суверенитета каждой страны, равно как и специальных уз, связывающих отдельные группы государств, ответ указывает, что многое может быть сделано для развития более широких перспектив в отношении экономических вопросов. Английское правительство сочло необходимым указать на то обстоятельство, что создание новых европейских учреждений может внести неясность в отношения между государствами, а возможно и соперничество, которое уменьшит авторитет органов Лиги наций. Кроме того, английский ответ указы-

вает на существующую опасность возникновения межконтинентального соперничества, т. е., в переводе на более ясный язык, на соперничество с Америкой, о котором Англия пока еще открыто боится говорить.

„Правительство его величества,—говорится в ответе, — убеждено в возможности путем хотя бы образования европейских комитетов пленума и Совета Лиги наций, а также путем использования технических организаций Лиги, создать необходимый аппарат для более тесного сотрудничества европейских государств. Тем самым может быть избегнут риск создания новых затруднений, которые могут возникнуть в результате образования системы новых независимых государств“. В заключение ответ английского правительства указывает, что по его мнению меморандум Бриана должен быть включен в повестку дня ближайшего собрания Лиги наций.

Таким образом ответ британского правительства носит весьма осторожный характер, фактически трактуя о нежелании Англии принимать участие во французской затее. В этом вынуждена была признаться и французская буржуазная печать. В то же время английский „Таймс“ прямо заявил, что „нельзя ожидать какого-либо активного участия Великобритании в европейской федерации, ибо это могло бы ее вовлечь в обязательства выше или ниже тех, которые ею уже даны“.

В чем смысл сдержанности английского ответа на французский меморандум? Во-первых, в опасении со стороны Англии конфликта с Соединенными

Штатами, к которому она еще не готова. Во-вторых, в несовместимости идеи федерации с стремлениями Англии установить имперские протекционистские таможенные барьеры. Кроме того вступление в европейскую федерацию Британии вместе с ее колониями и доминионами, разбросанными по всему земному шару, означало бы превращение европейского союза в межконтинентальный и вызвало бы подчинение британских колоний контролю европейских государств. И, наконец, в третьих, Англия опасалась, что европейская федерация нанесет ущерб Лиге наций, „на положение в которой Англии, — как говорит французская пресса, — жаловаться нечего".

Другие ответы европейских государств представляли меньший интерес. Вассалы Франции поспешили тотчас же приветствовать инициативу Франции. В ответе Чехо-Словакии говорится, что последняя „с живейшей симпатией присоединяется к предложению Франции". Примерно в таком же духе были составлены ответы Эстонии, Австрии, Польши, Финляндии и т. д. Заслуживает внимания ответ Греции, которая требует приглашения Турции к участию в европейской федерации. Литовский ответ, в принципе высказывающийся за идею европейского союза, поставил условием своего участия в нем исправление „несправедливости", причиненной Литве захватом Вильны со стороны Польши. Шведское правительство, ссылаясь на Лигу наций, выразило „сомнение по поводу предложения Бриана уже сейчас создать обще-европейскую организацию с ежегодными конференциями, исполнительным ко-

митетом и с более или менее постоянным секретариатом".

Весьма характерным явился швейцарский ответ. Изъявляя готовность сотрудничать в обсуждениях пан-европейской проблемы, швейцарское правительство заявило, что оно „не может взять на себя никаких обязательств, которые будут в какой-либо мере нарушать ее нейтралитет, являющийся в течение столетий основой швейцарской конституции". Швейцарское правительство сочло необходимым „заранее устранить все, что может вызвать конфликт между пан-европейским союзом и Лигой наций". Наконец, к голосу европейских государств совершенно неожиданно присоединился заседавший в Цюрихе пленум исполкома II Интернационала. Свое отношение к меморандуму Бриана резолюция пленума формулирует следующим образом: „Необходимо экономическое сотрудничество всех европейских государств, включая СССР и Турцию". В то же время II Интернационал счел необходимым предостеречь от „иллюзий до тех пор, пока демократия обеспечена еще не во всей Европе", намекая тем самым на необходимость борьбы с большевизмом. II Интернационал также высказался против образования особого европейского объединения внутри Лиги наций.

К 15 июля 1930 года, — дате, к которой согласно французскому меморандуму европейские государства должны были прислать свои ответы, — уже примерно выяснились позиция и отношение государств Европы к пан-европейскому проекту. К этому времени можно

и считать законченной вторую стадию дискуссии, сопровождавшей французский меморандум.

Что можно было установить на основании этой дискуссии?

1) Большинство европейских государств увидело в пан-европейском проекте опасность дублирования европейского союза с Лигой наций, что неизбежно должно было привести к ослаблению последней. 2) Ряд государств, и в первую очередь Италия, прямо поставил вопрос о привлечении к участию в пан-европейской федерации СССР и Турции, не входящих в Лигу наций. 3) Некоторые государства отметили безусловно антиамериканскую и антисоветскую заостренность французского проекта. И наконец, 4) многие государства выдвинули ряд своих претензий, которые полностью разрушают всю пан-европейскую постройку Бриана.

Но основной результат обсуждения французского меморандума и ответов на него—это обнаружившиеся во всю ширь, как мы видели выше, противоречия между европейскими государствами. Эти противоречия можно было предвидеть заранее, несмотря на то, что Куденгоф-Калерги взывал к европейской совести, крича о том, что „Европа погибнет, если она будет только думать о сохранности своих кредитных билетов".

Хотя Зауэрвейн в своей итоговой статье в „Матен" пытался примирить все государства Европы, — ему ничего опровергнуть не удалось, ибо иллюзии гибнут, а факты остаются: Европу треплет мучительная лихорадка, а проект Бриана оказался для нее ле-

карством, никакого отношения к болезни не имеющим.

Тем не менее фактический провал идеи Соединенных Штатов Европы, превративший их, по меткому выражению Карла Радека, в „разъединенные штаты Европы“, не помешал дальнейшему обсуждению французского проекта. Этим европейские пацифисты обязаны Аристиду Бриану, который совершил еще раз грехопадение против духа старой воинственной Франции.

ГЛАВА VII

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТ

Критика лорда Сесиля. — Маневры господина Бриана. — Накаленность европейской температуры. — Открытие пан-европейской конференции.—„Белая книга“ Бриана. — Первое поражение французской дипломатии.

Накануне открытия в Женеве пан-европейской конференции, на которой должны были встретиться представители европейских государств для обсуждения французского меморандума, в европейской печати вновь началось обсуждение проекта Бриана. Среди ярых защитников французской идеи наиболее серьезным и солидным следует считать французский журнал „Эроп Нувель“, который посвятил ряд статей открытию сентябрьской пан-европейской встречи министров иностранных дел Европы. Одну из своих статей, в номере от 6 сентября, за подписью Роже Натана, журнал посвящает вопросам экономики в связи с французским меморандумом.

Вот что даже ярые защитники французского проекта вынуждены были признать: „Среди всех ответов, полученных Брианом на его меморандум,— пишет Роже Натан, — имеется несколько таких, ко-

торые подчеркивают, что европейский союз должен быть прежде всего построен на экономической базе. Нужно сразу же сказать, и это очень существенно, что всякое международное экономическое выступление неизбежно содержит в себе элементы политические". Тут же в статье напоминаются неудавшиеся попытки установления франко-германского экономического сотрудничества в Марокко в 1909—1910 гг., которое не удалось вследствие чисто политических препятствий. „Мы с удовольствием констатируем,—отмечал далее журнал,—что в ответах государств мы имеем признание вполне реальной действительности. С одной стороны по крайней мере внешние национальные страсти не так уже разгорячены, чтобы помешать организации той или иной отрасли производства, и поэтому сейчас легче найти общий язык и достигнуть соглашения. С другой стороны совершенно очевидно, что свирепствующий ныне кризис, в той или иной мере ударивший по странам и охвативший все отрасли производства, выдвигает на первый план экономическую проблему". Далее Роже Натан, подпевая Бриану, пытался замазать политические противоречия в Европе, взывая к давно уже потерянной европейской честности и перспективам европейского экономического сотрудничества. „Никто не может, — писал он, — разрешить этой задачи лучше самой Европы. Одна Европа располагает нужными традициями, нужными резервами человеческой силы, накопленными веками материальными средствами. Однако для достижения поставленной цели не хватает нужного инструмента,

то-есть нужной центральной организации". Рисуя благоприятные перспективы европейского экономического сотрудничества и таможенной политики, Натан приходил к выводу: „Итак, всеевропейская федерация представляется единственным шансом для спасения Европы. Если все действующие в Европе силы не будут объединены, то они уничтожат себя каждая в отдельности и повлекут за собой неизбежную гибель остальных".

В другом своем номере журнал „Эроп Нувель" вынужден был с тревогой подводить итоги ответов европейских государств, вокруг которых должны были развернуться женевские дебаты. „Политические друзья Бриана, — читаем мы в передовой „Эроп Нувель", — приуменьшают возможные трудности на пути французской инициативы; его враги преувеличивают эти трудности. И те, и другие больше всего старались найти в ответах иностранных государств доказательства своей правоты, и несомненно они отчасти достигли этой цели". Журнал с упреком обратился к некоторым французским газетам, которые писали о германском ответе следующее: „Мы должны быть настороже. Раз немцы так горячо приветствуют идею Бриана, значит они решили использовать ее в своих целях. Для Германии учреждение европейского союза является лишь средством скорее и легче добиться пересмотра мирных договоров". „Эроп Нувель" всячески старался затушевать эти намерения Германии. Журнал всячески пытался доказать несправедливость утверждения о том, что идея европейской федерации еще

недостаточно созрела. Защищая Бриана, „Эроп Нувель“ считал нужным заметить, что „прежде, чем какая-нибудь идея созреет, она должна быть кем-нибудь выдвинута, и тогда ее нужно только приветствовать“.

Как бы в противовес всем этим рассуждениям, призывающим к европейской совести, накануне пан-европейской конференции в печати снова появился ряд выступлений, резко критикующих пан-европейский проект в связи с ответными нотами государств. Берлинская „Дейче Альгемейне Цейтунг“, орган германского трестовского капитала, писала: „Пан-европейский меморандум Бриана давно уже является мертворожденным ребенком. Уже после получения ответа Англии и Италии меморандум превратился в макулатуру... О мертвых вещах не спорят“.

С большой статьей накануне пан-европейской конференции на страницах французского „Пти Журналь“ выступил один из делегатов Великобритании в Лиге наций — лорд Сесиль. В своем выступлении он излагал отношения Англии к проекту европейской федерации. „Отдавая должное намерению Бриана, — писал Сесиль, — нужно заметить, что сейчас более чем сомнительно, что пришло время для создания европейской федерации, подобно федерации САСШ и Австралии“. По заявлению Сесиля затруднение в реализации проекта европейской федерации, помимо прочего, заключается в том, что „единство и процветание Европы отнюдь не являются самоцелью. Европа, противопоставленная всему миру, явилась бы страшной угрозой делу мира, как

и межнациональное соперничество. Превращение враждебности отдельных стран друг к другу,— заявил Сесиль,— во враждебность к континентам не принесет пользы миру, а напротив ухудшит дело мира. Если бы соперничество подобного рода представляло опасность лишь в сфере экономических интересов, то и это было бы достаточной угрозой. Таможенное единство Европы, окруженной в свою очередь обычной таможенной стеной, было бы опасностью для всего земного шара".

Далее Сесиль высказывал утверждение, что участие в разрешении европейских вопросов таких далеких от Европы стран, как Япония и Канада, „может быть даже полезным". „Не следует,— писал Сесиль,— предпринимать ничего такого, что могло бы подорвать солидарность всех континентов в вопросе укрепления мира. Изымать вопросы важных международных решений из компетенции Совета Лиги наций и переносить их на рассмотрение европейской конференции означало бы разрушить Лигу наций, в то время как сама Европа не была бы спасена от развала". Сесиль утверждал, что намерения Бриана могут быть лучше реализованы не путем создания независимого европейского объединения, а путем развития организации, которая являлась бы составной частью Лиги наций.

„Одно ясно,— утверждал Сесиль,— что никакое английское правительство не могло бы войти в европейскую систему, носящую видимость континентального блока, противопоставляемого другим континентальным и международным группам. Этого можно

избегнуть лишь включением европейского объединения в систему Лиги наций. Дружба с САСШ должна быть решающим моментом,— лицемерно писал Сесиль,— в британской международной политике, и поэтому Англия воздерживается от вступления во всякое континентальное объединение, которое может быть направлено против Америки". Сесиль считал, что Англия не может войти в изолированную европейскую федерацию еще и потому, что, как мы указывали выше, она связана с доминионами. Условием вхождения Англии в европейскую систему является „образование европейской секции Лиги наций".

„Естественно,— заявлял далее Сесиль,— что германский ответ на проект Бриана поднял вопрос о возможности изменений в мирных договорах. Это обстоятельство никого в Англии не удивило. Идеальных границ не существует. Рано или поздно поправки в существующее положение, обусловленные международными обязательствами, для установления более свободных взаимоотношений между странами, должны быть спокойно приняты. Для этого в устав Лиги наций был внесен пункт 8". „Я не могу найти для европейских комиссий и конференций Лиги наций более полезной роли,— писал Сесиль,— чем постановка перед Советом Лиги наций вопроса о возможности и средствах применения этого пункта устава в целях мирного пересмотра договора".

Мы процитировали обстоятельно статью этого авторитетного английского политика лишь потому,

что она в значительной степени характеризует отношение Англии к французскому предложению. Бриану пришлось сделать нечеловеческие усилия для того, чтобы несколько сломить сопротивление Британии. Для этого накануне конференции он неоднократно совещался с английским министром иностранных дел Гендерсоном, в результате чего перед европейской конференцией в позиции Англии по отношению к пан-европейскому проекту произошла маленькая перемена. Это обстоятельство до некоторой степени объяснялось тем, что часть французской прессы старалась сделать проект Бриана более приемлемым для Англии, несколько выделяя экономические перспективы европейского объединения, на которые напирало британское правительство.

В предвидении краха пан-европейского проекта, во Франции под руководством Бриана начали маневрировать для того, чтобы преподнести несколько более приемлемых вариантов европейской федерации. При этом невольно поражала удивительная настойчивость французского министра иностранных дел. Он уподоблялся популярной французской пословице „гони природу в дверь, она влетит в окно“.

За неделю до пан-европейской конференции газета „Тан“, являющаяся наиболее непримиримым защитником французской идеи, опубликовала обширный проект европейской федерации, разработанный „в частном порядке“ специальной комиссией Международного юридического союза, в которую вошли виднейшие специалисты международного права, как Ляпрадель, Аното, Альварец, греческий посланник

в Париже — член Совета Лиги наций Политис и др. В своем введении к проекту комиссия указывала на два возможных пути создания объединения государств: или изменить устав Лиги наций с тем, чтобы его построить на базе континентальных, а также групповых объединений государств, или же содействовать образованию подобных государственных объединений в рамках теперешнего устава Лиги наций. При этом сообщалось, что совершенно неожиданно Бриан склонился ко второй возможности, т. е. что он уже подготовился к отступлению под давлением воплей европейских государств об угрозе суверенитету Лиги наций. Авторы нового проекта указывали, что трудности на пути создания федерации не являются непреодолимыми. При чем здесь имелась в виду проблема привлечения в федерацию Советского Союза и Турции, вопрос о вхождении в федерацию Англии с доминионами и т. д.

Опубликованный в „Тан“ проект выдвигал следующие основные положения: 1) федерация не должна быть „политической федерацией держав, с другой стороны — она не должна свестись к простым периодическим совещаниям представителей государств“; 2) федерация должна включать в себя наивозможно большее число европейских стран, при чем державам, не участвовавшим в ее организации, должна быть предоставлена возможность примкнуть к ней впоследствии; 3) федерация должна формироваться постепенно, последовательными этапами; 4) федерация должна быть организована и действовать в рамках Лиги наций; 5) федерация не должна

противодействовать созданию внутри нее отдельных групп государств; 6) федерация не должна быть направлена против какой-либо державы внутри и вне Европы и должна быть основана на „равенстве и уважении к суверенитету всех государств“.

Органами федерации, согласно проекту, должны быть периодические конференции, совет федерации, постоянные комиссии и секретариат.

Конференции, на которых государства — участники федерации должны быть представлены тремя делегатами каждое, имеют своей задачей защищать общие интересы европейских государств, принимать решения в целях сохранения мира и безопасности, в случае конфликтов выносить решения относительно мер, которые федерация „считает нужным рекомендовать“, регистрировать групповые объединения государств и входить в случае надобности в сношения с другими аналогичными федерациями.

В состав федерации должны входить постоянные представители по одному от Великобритании, Франции, Италии, Германии и Испании, а также от каждого группового объединения европейских стран и три представителя стран, не входящих в указанную категорию. Задачи совета федерации аналогичны задачам Лиги наций. Проект, кроме того, предусматривал, что совет федерации может приглашать также представителей европейских стран, хотя и не входящих в федерацию и Лигу наций, но „заинтересованных в изучении тех или других вопросов или желающих высказать свое мнение и участвовать в обсуждении вопросов, связанных с их интересами“.

Местопребыванием органов федерации намечалась Женева.

Таким образом этот проект пытался в несколько другом изложении высказать, правда в „частном порядке", новые варианты европейской федерации. Само собой разумеется, они были согласованы с. Брианом, ибо „Тан", являясь официозным органом французского министерства иностранных дел, посвятил этому проекту специальную передовую статью. Внимательный анализ этого дополнения к французскому меморандуму заставил прийти к выводу, что он ничем не отличался от первоначальных наметок Бриана, ибо, по существу говоря, он опять-таки дублирует Лигу наций. То обстоятельство, что Бриан склонялся ко второму варианту, свидетельствовало лишь о том, что он сам чувствовал неизбежность провала его проекта в первоначальном виде. Этим он только заранее готовил себе позиции для отступления с тем, чтобы в дальнейшем снова перейти в наступление.

Накануне европейской конференции можно было лишь констатировать новое обострение противоречий в Европе. Это положение характеризовалось военными маневрами в отдельных частях Европы. В частности бросались в глаза французские маневры в Альпах, явно направленные против Италии, военные совещания в Румынии и новые факты антисоветской кампании в Европе. Кроме того обнаружилась борьба между европейскими государствами за влияние в Банке международных расчетов, попытки реставрации Габсбургов в Венгрии и, нако-

нец, требование Германии о выводе войск из Саарской области и т. д.

Все это свидетельствовало о чрезвычайной накаленности европейской температуры. И все же нельзя не отметить достойные удивления упорство и изворотливость, с которыми Бриан взялся за проведение своей идеи через все ставшие на ее пути преграды.

8 сентября 1930 года, согласно ответам европейских государств, изъявивших желание принимать участие в обсуждении проекта европейской федерации, в Женеве одновременно с сессией Лиги наций должна была открыться пан-европейская конференция. Ничто не предвещало хорошего конца этому сборищу европейских государственных мужей. Как раз накануне открытия конференции на заключительном заседании европейского конгресса нацменьшинств была принята резолюция, в которой отмечалась полная неудовлетворительность пан-европейского плана Бриана. В резолюции конгресса говорилось: „Конгресс с сожалением вынужден признать, что предпринятый Брианом шаг навряд ли приведет к умиротворению человечества в Европе, ибо Бриан слишком односторонне рассматривает Европу, только как комплекс государств, а не народов". Выступивший на конгрессе делегат польских украинцев резко критиковал Бриана, стремящегося к тому, чтобы установленные Версальским договором границы европейских государств были лишний раз закреплены.

Наконец 8 сентября все же пан-европейская конференция открылась в 4 часа дня в Большом

зале Лиги наций. Этим фактом Бриан хотел показать, что его идея находит осуществление в рамках и под крыльями уже состарившейся европейской кормилицы и международной сводни, какой является Лига наций. На конференции присутствовали 20 министров иностранных дел Европы, а в общем были представлены почти все европейские государства. Бриан обставил конференцию весьма солидно. Всем участникам ее была роздана специальная „Белая книга" французского правительства, содержащая в себе все документы, относящиеся к созданию европейской федерации.

„Белая книга" состояла из следующих документов: 1) сообщение французского правительства о завтраке, данном в 1929 году Брианом представителям европейских государств, на котором было вынесено пожелание об одобрении французской инициативы; 2) полный текст меморандума французского правительства, датированный 1 мая 1930 года; 3) 26 ответов европейских правительств на французский меморандум и доклад французского правительства об итогах его обсуждения, с последующими предложениями.

На конференции Бриан выступил с большим докладом, в котором он обосновывал французскую инициативу, а также выдвигал в смягченном виде французские предложения, стараясь уверить своих слушателей в том, что европейская федерация отнюдь не будет направлена против какого-либо не входящего в нее государства и что ее существование не помешает работам Лиги наций. Речь

Бриана, как описывает европейская печать, носила очень патетический характер и была насыщена бесчисленным количеством громких слов, взывавших к европейскому единству, любви и миру. Бриан внес предложение, чтобы конференция приняла постановление о создании временного объединения европейских государств на принципе пан-европейской федерации. Это предложение было встречено не весьма дружелюбно. Решительно возражали против него английский министр иностранных дел Гендерсон и германский министр иностранных дел Курциус, выступавшие в духе ответов своих государств. Выступавшие, кроме них, в прениях участники конференции выдвинули ряд оговорок к французскому предложению. В основном линия Бриана была поддержана только представителями государств, находящихся на положении вассалов Франции. В конечном итоге конференция сговорилась о передаче французского проекта на обсуждение Лиги наций. Докладчиком по этому вопросу было поручено выступить Бриану.

На этом пан-европейская конференция, длившаяся всего $3^1/_2$ часа, закрылась, принципиально даже не утвердив плана пан-европейской федерации.

Официальное сообщение пан-европейской конференции об обсуждавшихся ею вопросах содержало всего одну длинную фразу: „Представители европейских государств — членов Лиги наций, собравшиеся в Женеве 8 сентября 1930 года во исполнение решения, принятого в Женеве 9 сентября 1929 года, ознакомившись с результатами

анкеты, устроенной по поводу организации европейской федерации; убежденные, что тесное сотрудничество европейских государств во всех областях международной жизни является чрезвычайно важным для поддержания всеобщего мира; единодушные, с другой стороны, в том, что выполнение этого сотрудничества должно быть в полном согласии с Лигой наций и в соответствии со всеми принципами, изложенными в ее пакте, — постановляют включить этот вопрос в порядок дня сессии Лиги наций“.

Таково решение пан-европейской конференции, которую с нетерпением ожидали политики буржуазной Европы.

Что означало это решение? Оно означало, что на первых же порах французское правительство в лице Бриана потерпело поражение. В соответствии со своими ответами на меморандум Бриана, европейские государства высказались за передачу вопроса о создании пан-европейской федерации на усмотрение Лиги наций.

В европейской печати по-разному расценивали исход пан-европейской конференции. Немецкая пресса считала, что проект Бриана „похоронен по второму разряду“ и что Бриан не сумел отстоять своей точки зрения в вопросе о пан-Европе. Венгерская правительственная печать с нескрываемым удовлетворением констатировала провал конференции в Женеве. Напоминая об отрицательном ответе венгерского правительства на меморандум Бриана, газеты указывали, что Венгрия не примирится с ме-

рами, направленными на закрепление существующего в Европе положения вещей, установленного мирными договорами. Левобуржуазная французская печать расценивала решение женевской конференции, как победу Бриана. Особенно яростно это утверждал Зауэрвейн в своих статьях в „Матен". Французский „Пти Журналь" в своей статье констатировал, что резолюция европейской конференции оставляет место для „щекотливых дискуссий и даже маневров". Пертинакс в своей статье в „Эко де Пари" спрашивал: „Кто взял верх — Бриан или Гендерсон?" И тут же он отвечал: „Никто этого не может определить в точности. Французский текст может быть истолкован различным образом. На конференции обе стороны предпринимали бесплодные маневры. Основные точки зрения выявятся лишь на пленуме Лиги наций и в комиссии, которая будет создана. Образовались два лагеря. В одном — желающие сохранить политический и территориальный порядок, установленный в Версале в девятнадцатом году. В другом лагере — добивающиеся пересмотра и крушения этого порядка. Проект европейской федерации будет использован обоими лагерями, но думается, что по самой своей природе проект благоприятствует намерениям второго лагеря".

В таком положении оказалась проблема европейской федерации накануне сессии Лиги наций, на которой Бриан должен был выступить с новым докладом по поручению конференции. Следуя совету своих соотечественников, утверждавших, что для того „чтобы не скомпрометировать великую идею,

Бриану придется действовать очень осторожно и постепенно", он готовился к своему новому решающему выступлению на пленуме Лиги наций, встав в позу отверженного любовника, утиравшего слезы в ожидании грядущего дня.

ГЛАВА VIII.

„БОЛЬШИЕ ДНИ“ В ЖЕНЕВЕ

Снова голоса против. — Речь Бриана. — Выступления Гендерсона и Курциуса. — Столкновение противоречий. — Что решила Лига наций. — Пан-Европа и СССР. — Отступление на заранее подготовленные позиции.

Один неизвестный французский остряк, высказывая свои праздные мысли о назначении дипломатов, пришел к выводу, что дипломаты являются последними номадами (кочевниками) в Европе, которым к тому же разрешается щеголять с перьями на голове, этим традиционным атрибутом дипломатической формы. Очередная XI сессия пленума Лиги наций, как и всегда, напоминала сборище кочевников. На сей раз скучную повестку дня пленума Лиги наций должен был оживить доклад Бриана о пан-европейской федерации. Как и следовало ожидать, накануне доклада Бриана опять раздались голоса, далеко не говорящие в пользу пан-европейской идеи, при чем больше всего интересовало всех отношение Англии к этому вопросу, ибо уже на пан-европейской конференции наметилось новое обострение противоречий между Францией и Англией.

Перед открытием сессии Лиги наций „Дейли Геральд“ — орган английского лебористского правительства — писал по поводу предполагающегося на пленуме Лиги обсуждения пан-европейской проблемы следующее: „Самым крупным из всех вопросов, стоящих перед Лигой, явится проект Бриана о Соединенных Штатах Европы. Мы надеемся, что он не будет чересчур крупным, ибо главной опасностью подобного плана является его способность отвлечь внимание от Лиги наций. Только организация в мировом масштабе (не меньше) может удовлетворить нужды мира. Бриановский план континентального блока носит в самом себе семена и регресса, и прогресса“.

Английский мининдел Гендерсон, следуя завету лорда Биконсфильда, который еще в 1852 году изрек, что „Англия не любит коалиций“, накануне открытия пленума Лиги на приеме иностранных журналистов указал осторожно на необходимость „неторопливого подхода“ к пан-европейской проблеме, подчеркнув положение Англии, связанной с доминионами. Тут же Гендерсон поспешил заговорить о разоружении, выразив надежду, что конференция по разоружению состоится в 1931 году. Одновременно с этим он пытался способствовать итало-французским переговорам о морском разоружении. Уже это заявление свидетельствовало о намерениях Англии в противовес французскому проекту пан-Европы выдвинуть вечно проклятый и неразрешенный Лигой наций вопрос о разоружении.

После принятых в Женеве кулуарных разговоров 11 сентября 1930 года наконец открылось очередное заседание сессии Лиги наций, на котором Бриан выступил со своим пан-европейским докладом. Любопытнее всего этот день характеризует венская „Нейе Фрейе Прессе“, кстати, являющаяся одной из сторонниц французской идеи. Вот как описывает эта газета выступление Бриана в отчете, озаглавленном торжественными словами — „О больших днях в Женеве“.

„Нейе Фрейе Прессе“ пишет: „В половине одиннадцатого Титулеску (представитель Румынии, председательствовавший на сессии) объявляет заседание Лиги наций открытым. Слово предоставляется представителю Франции Аристиду Бриану. Раздаются бурные приветствия, увеличивающиеся все время, пока Бриан поднимается со своего места, направляясь к ораторской трибуне. Когда он поднимается на трибуну, ему устраивают бурную овацию. Личность Бриана действует подкупающе, и поэтому вполне понятны ликование, с которым встречают седого государственного деятеля, и чрезвычайное напряжение, с которым ждут его речи о пан-Европе. Бриан сегодня выглядит невероятно моложавым и свежим. Держа руки на спине, он прохаживается по маленькой ораторской трибуне, между двумя переводчиками, сначала говоря спокойно, по-профессорски, но вскоре тема его захватывает, и руки в оживленной жестикуляции сопровождают поток его речи. Речь его часто прерывается аплодисментами. Ход его мыслей, само собой разумеется, соот-

ветствует декларациям, содержащимся в его меморандуме. Сначала Бриан пытается опровергнуть все сделанные против пан-Европы возражения. Весь хозяйственный процесс Европы,—говорит он,—зависит от вопроса безопасности и политического сближения народов. Лишь на основе восстановления связей, зиждящихся на взаимном доверии между народами, лишь на основе умиротворения умов можно требовать от отдельных государств принесения значительных экономических жертв. Политика пан-Европы должна создаваться в полной и тесной связи с Женевой и Лигой наций. С особой энергией Бриан подчеркивает: европейский союз не должен стать новой инстанцией по урегулированию спорных вопросов. Он лишь мог бы предлагать свои услуги и действовать, как консультационный орган. Пан-Европа служила бы укреплению мирных намерений Лиги наций и облегчению женевским деятелям их решений. Дело создания пан-Европыне должно никому принести вреда, и суверенные права европейских государств должны оставаться нетронутыми".

Конечно, газета „Нейе Фрейе Прессе" чрезмерно расписывала величие этого социал-отступника, ныне нашедшего себе пристанище в лагере буржуазии. Писания венской газеты выглядят по меньшей мере глупо. Еще Бисмарк говорил, что глупость это божий дар, но не следует им злоупотреблять, а „Нейе Фрейе Прессе" этим своим даром явно злоупотребила. Тем не менее весьма любопытно для общей характеристики вопроса привести хотя бы сжатый текст доклада Бриана, являющего образец

прекрасно спрессованных и хорошо причесанных лицемерных и пацифистских фраз.

Бриан начал свою речь со следующих слов: „Я являюсь перед вами и как делегат Франции, и как доверенный 27 европейских наций, чтобы сделать пленуму Лиги наций, по их поручению, некоторые сообщения. Эта задача наиболее ответственная и щепетильная. Я воодушевлен доброй верой в Лигу наций, являющуюся сегодня главной защитницей против военной опасности. Сила ее в том, что она способна заняться каждым вопросом, каждой идеей. Лига наций испытала уже много бурь, она преодолела уже подозрения, надругательства и насмешки, и большим делом является то, что она, несмотря на затруднения, уже сумела кое-чего достичь. Это касается и вопроса о разоружении".

С прекрасно разыгранной мимикой Бриан заявил, что, пока он будет министром, — войны не будет. Бриан указал, что стремлению к миру должно сопутствовать ограничение вооружений. „Лига наций и ее комиссия продолжали дело разоружения, несмотря на огромные трудности. Частичные результаты, достигнутые на лондонской конференции, открывают новые возможности для работы Лиги наций в этом направлении. В качестве министра иностранных дел я веду переговоры с соседним дружественным государством (т. е. с Италией) о соглашении, которое в сочетании с лондонским договором даст новый толчок делу разоружения".

Перейдя к вопросу о европейской федерации, Бриан продолжал: „Я сегодня поднялся на эту три-

буну, чтобы заявить от имени европейских наций, что они после долгого обсуждения признали в целях сохранения мира необходимость своего сотрудничества во всех областях путем создания объединения. Таков принципиальный вывод. Другое дело, поскольку речь идет о конкретном создании европейской федерации. Здесь надо действовать осторожностью. Гр пповые объединения государств не противоречат Лиге наций, наоборот, контакт европейских наций облегчит задачу Лиги. На мне лежит большая ответственность за пан-Европу, но я могу сказать, что перед тем, как я приступил к этой идее, я объявил о ней здесь в Лиге наций. Я пришел к своему плану, не предаваясь иллюзиям относительно его затруднений, но в конце концов нет проблемы, которая была бы не затруднительна. Конечно, легче и удобнее всего эти проблемы вообще не ставить. Необходимо подходить к вопросу с осторожностью и после длительного его изучения. Но и это уже много, что такая огромная проблема была подвергнута столь глубокому изучению. В ответах госу арств я нашел многое благоприятное для своего плана, много и менее благоприятного. Но во всех ответах имеются благоприятные настроения к самом вопросу европейской федерации. И в дни нашей встречи я с радостью вижу, что настроение это подтверждается".

Еще раз утверждая, что идея пан-Европы не направлена против Лиги наций и отдельных государств, Бриан заявил в отношении Америки, что он беседовал с политическими и хозяйственными деяте-

лями Соединенных Штатов Америки и что все они „приветствовали намерение внести больше порядка в европейские отношения“.

„Да и кто мог бы иметь интерес, — воскликнул он страстно, — в том, чтобы препятствовать единению Европы! Если учесть положение, создавшееся сейчас как для победителей, так и для побежденных, то можно уяснить себе всю силу взаимной зависимости, связи и интересов. Двадцать семь наций, присутствующих в этом зале, обсудили эти вопросы, чтобы наконец сказать: да, у нас имеются общие интересы, которые мы должны прежде всего сообща обсудить. Но мы нуждаемся в вашей поддержке, господа, мы желаем, чтобы Лига наций нам сказала: „ступай, иди вперед, сделай еще один шаг к миру“.

Таков текст речи Аристида Бриана, сумевшего на некоторое время своими пацифистскими словами вскружить голову женевским миротворцам. И поэтому ему удалось сорвать дешевые аплодисменты дипломатической аудитории. Однако речь Бриана, насыщенная величайшим лицемерием, является лишь продолжением его личной характеристики. С прекрасно разыгранной мимикой он представлял собой обиженную невинность. Бия себя в грудь и признаваясь в сотый раз в вечной любви к Лиге наций, он горько плакал над судьбами Европы. Одновременно с этим он умышленно пользовался терминами своего меморандума для того, чтобы вновь полностью воскресить свой пан-европейский проект в старом объеме.

По докладу Бриана развернулись оживленные прения, среди которых наиболее значимы и конечно были выступления английского министра иностранных дел Гендерсона и германского мининдела Курциуса.

Гендерсон в начале своей речи коснулся резолюции, принятой европейской конференцией, и выразил надежду, что дебаты на пленуме Лиги наций приведут к тем практическим результатам, которых „добиваются Бриан и французское правительство". Эта резолюция совпадает якобы со взглядами и британского правительства, изложенными в ответе на предложение Бриана, ибо она высказывается за осуществление сотрудничества европейских государств через Лигу наций, без создания особой для этого организации. Одновременно Гендерсон в противовес французскому проекту о пан-европейской федерации выдвинул вопрос о разоружении. Указывая на трудности работы комиссии Лиги наций по разоружению, Гендерсон с дипломатической ехидностью заявил, что „пришло время для практических результатов". Речь Гендерсона, внешне поддерживавшего французское предложение, в то же время была направлена против Франции и ее формулы о безопасности. Гендерсон категорически требовал разоружения, и это его требование произвело в Лиге наций сильное впечатление. В противовес пан-европейской иллюзии в позиции Гендерсона можно было констатировать безнадежные иллюзии в отношении не менее безнадежного вопроса о разоружении.

Германский мининдел Курциус, солидаризуясь с выступлением Гендерсона, также настаивал на быстрейшем созыве конференции по разоружению. Одобряя внесение вопроса о европейском объединении на пленум Лиги наций, Курциус предложил окончательную проработку вопроса передать в комиссию при Лиге наций. При этом он подчеркнул, что к участию в работах комиссии должны быть привлечены все государства, намекая тем самым на необходимость привлечения СССР и Турции. Представитель Италии Шалойя заявил, что по всем вопросам взгляды Италии совпадают с точкой зрения Гендерсона.

Таким образом в позициях Англии, Германии и Италии можно было констатировать некоторое единодушие в отношении пан-европейского проекта.

Известный интерес представляли выступления представителей других государств. Польский министр иностранных дел Залесский конечно одобрил идею своего хозяина. Австрийский представитель Шобер в своей речи выдвинул проект осуществления плана пан-Европы путем создания „областных экономических блоков", исходным пунктом чего должна служить Средняя Европа, — путем установления соглашения между аграрными и промышленными странами. Остальные участники Лиги наций высказывали свое сочувствие проекту Бриана, не замедлив при этом сделать свои оговорки в отношении подчинения европейской федерации Лиге наций.

Европейская печать по-разному расценивала ход дискуссии по пан-европейскому вопросу. „Тан"

в передовой статье расценивал речь Бриана, как „новый этап на пути политики мира“. Сопоставляя точки зрения Бриана и Гендерсона, газета льстиво объявила их „различными методами достижения мира“. „Тан“ утверждал, что Бриан „проявил истинное политическое мужество, оставшись верным своей идее“. По утверждению „Тан“ он „расчистил путь к миру, показав, каким образом европейская федерация может быть организована в рамках Лиги наций“. Правая французская печать констатировала расплывчатость Бриана, противопоставляя ей ясную по своей оппозиционности речь Гендерсона. Газета „Фигаро“ даже иронизировала, считая, что „похороны проекта европейской федерации были непродолжительными. Им сопутствовала краткая панихида“. Газета „Ордр“ писала: „Бриан заявил, что он выступает с мандатом от имени всех участников европейской конференции, однако едва только Гендерсон сменил его на трибуне, как справедливость этих заявлений встала под сомнение“.

Английская печать отмечала, что разногласия и расхождения между британской и французской внешней политикой отчетливо выявились в выступлениях Гендерсона и Бриана. Газеты указывали, что пропасть между Парижем и Лондоном расширяется в течение последних месяцев. Крайние консерваторы выражали недовольство выступлением Гендерсона, ибо твердолобые дорожат сотрудничеством с французским правительством в деле создания единого фронта против СССР и поэтому опасались расхождения между британской и французской

внешней политикой. Итальянская печать, как и следовало ожидать, резче всех обрушилась на выступление Бриана, подчеркивая, что в Женеве „с Бриана была окончательно сорвана маска пацифизма, прикрываемого патетическими тирадами“.

После обсуждения доклада Бриана Лига наций должна была принять свое решение. Перед этим решающим моментом господствующими настроениями в Женеве явились пессимизм и разочарование перед дальнейшими перспективами, которые не могли быть скрыты никакими торжественными фразами. Накануне вынесения решения по докладу Бриана между ним и Гендерсоном было достигнуто наконец соглашение о передаче вопроса о создании европейской федерации на рассмотрение особой комиссии пленума Лиги наций с тем, чтобы последняя представила соответствующий доклад к XII пленуму Лиги наций в 1931 году.

Наконец 17 сентября сессия Лиги наций приняла следующее предложенное французской делегацией постановление: „Сессия, с большим удовлетворением ознакомившись с решением, принятым в Женеве 8 сентября 1930 года представителями европейских правительств — членов Лиги наций; убежденная так же, как и они, что тесное сотрудничество европейских государств во всех областях международной деятельности является для поддержания мира чрезвычайно важным; разделяя их единодушное мнение, что подобное сотрудничество, в какую бы форму оно ни облекалось, должно проводиться в пределах Лиги наций, в полном согласии с ней

и духом ее пакта,—приглашает правительства европейских государств, членов Лиги наций, действуя в согласии с секретариатом комиссии, продолжить предпринятую анкету, основными элементами которой являются французский меморандум от I/V 1930 г. и поступившие на него ответы. Пленум напоминает, что в той мере, в какой подобное сотрудничество европейским государствам покажется полезным для успешного изучения этого вопроса, они имеют возможность продолжать его в контакте с вне-европейскими членами, точно так же, как и с правительствами, не являющимися членами Лиги наций Сессия просит, чтобы первые результаты этого изучения были изложены, насколько это возможно, в форме конкретных предложений в докладе, который должен быть представлен заблаговременно для внесения в ближайшую сессию". Наряду с этим сессия Лиги наций назначила комиссию, которой и поручено было в 1931 году представить пленуму Лиги наций доклад по вопросу сотрудничества европейских государств.

Что же означает решение пленума Лиги наций и предшествовавшее ему обсуждение пан-европейского проекта? Кто же, в конце концов, одержал победу?

Во-первых, обсуждение проекта Бриана совершенно очевидно еще раз обнаруживало глубокие противоречия в европейском империалистическом лагере.

Во-вторых, проект Бриана в таком виде, в каком он его мыслил вначале, вне всякого сомнения про-

валился. Французскому правительству, мыслившему самостоятельное существование европейской федерации, в лице Бриана пришлось согласиться на создание ее в рамках Лиги наций для того, чтобы окончательно себя не разоблачить.

В третьих, как мы видим из пространной и путанной резолюции пленума Лиги наций, женевские миротворцы в своем решении подняли вопрос о привлечении к участию в изучении этого вопроса и стран, не входящих в Лигу наций, тем самым поставив вопрос о привлечении к этому делу СССР, Турции и даже других, не расположенных на европейском континенте государств.

В четвертых, тот факт, что созданной при Лиге наций комиссии по изучению вопроса европейской федерации поручено лишь через год выступить с докладом, свидетельствует о том, что Лига наций прибегла в данном случае к своим обычным приемам затяжки разрешения ставящихся на повестку дня вопросов.

И, наконец, в пятых, несмотря на явный провал пан-европейской проблемы, ей, как и всем вопросам, всплывающим в Лиге наций, предоставлена отдушина и возможность продолжать фигурировать на европейской политической поверхности.

Итог обсуждения пан-европейской проблемы на пленуме Лиги наций вызывает еще ряд дополнительных вопросов, которые крайне важно выяснить.

Как же это получилось так, что, несмотря на столь недоброжелательное отношение к себе, пан-европейский проект все же в том или ином виде

получил право на дальнейшее, хотя и жалкое существование? Почему Франция, мыслившая пан-европейский союз, как организацию под своим влиянием, все же смирилась с мнением большинства государств и взяла на себя инициативу по продвижению этого вопроса дальше? Почему, несмотря на обнаружившиеся противоречия, Англия, Германия и Италия, то-есть основные европейские государства, в той или иной мере согласились принимать участие в европейском союзе? И, наконец, почему Лига наций вынесла решение о привлечении к обсуждению вопросов европейского союза СССР, Турции и не-европейских государств, мысля в данном случае Америку?

Найти ответы на эти вопросы не столь трудно

Пан-европейский проект все же получил право на дальнейшее существование лишь потому, что среди политиков европейского империализма еще не исчерпались надежды на возможность путем европейского союза урегулировать свои внутриевропейские вопросы. В данном случае проект европейского сотрудничества мыслится, как спасательный круг, который, быть может, чем-нибудь поможет попавшей в глухой кризисный тупик капиталистической Европе.

Франция согласилась на обсуждение пан-европейской проблемы в рамках Лиги наций в надежде на то, что ей удастся изнутри добиться своего превосходства. Французский империализм и его верноподданная дипломатия в лице Аристида Бриана, щеголявшего своим ораторским пафосом, соединен-

ным с дешевым красноречием, не отказались от перспективы решения судеб современной капиталистической Европы, прикрываясь маской миролюбия.

Англия согласилась на дальнейшую разработку пан-европейского проекта лишь потому, что ее отказ мог бы еще больше обострить ее отношения с Францией и в то же время ослабил бы ее влияние в Европе. Что касается Италии и Германии, то эти государства приняли вызов Франции лишь для того, чтобы на пан-европейской почве дать бой французскому империализму и добиться возможного пересмотра версальской системы мирных договоров.

Наконец, решение о привлечении других государств к обсуждению проекта Бриана продиктовано исключительно стремлением замаскировать антисоветскую и антиамериканскую сущность французского меморандума. Не случайно сам Бриан совершенно неожиданно изъявил страстное желание разрешить этот вопрос в такой плоскости. Конечно этому решению не следует придавать серьезного значения. Если и не исключена возможность приглашения в дальнейшем СССР к участию в работе пан-европейской комиссии, то это будет лишь означать попытку европейского империализма моральными мерами воздействовать на Страну советов.

Было бы, однако, ошибкой думать, что голоса, поднявшиеся за осуществление пан-европейской идеи, имеют серьезное значение. Еще Цицерон говорил, что „голоса не считают, а взвешивают". И именно так нужно подходить к вопросу о дальнейших судьбах пан-европейской идеи. Во всяком

случае дальнейший ход событий в Европе обнаружил ряд фактов, далеко не говорящих в пользу объединения европейских государств. Эти события характерны ростом новых противоречий внутри европейских государств, расширением пропасти между двумя континентами — Новым и Старым Светом — и, наконец, новой чудовищной антисоветской кампанией, вовсе не вяжущейся с пан-европейскими трелями господина Бриана. Это лишь еще один раз подтверждает, что договоры и крики о мире являются ерундой, когда речь идет о войне.

ГЛАВА IX

ПАН-ЕВРОПА В ДЕЙСТВИИ

Дурной пример заразителен. — Аграрные конференции в Восточной Европе. — О чем говорили в Бухаресте, Синае и Варшаве. — Вопли о „советском демпинге“. — Антисоветский блок под флагом пан-Европы.

Своим пан-европейским проектом французская дипломатия и иже с ней господин Бриан создали целую школу лицемерия и воинственности, которая не замедлила найти своих достойных последователей. Мы имеем в виду ряд состоявшихся в Европе конференций и совещаний отдельных стран, собиравшихся согласно высказанной в дальнейшем Шобером на пленуме Лиги наций доктрине о групповых объединениях государств на основе пан-европейского проекта. Наибольший интерес из всех этих конференций представляют состоявшиеся в Европе аграрные совещания сельскохозяйственных государств в течение осенних месяцев 1930 года. Конференции эти, преследовавшие официально задачу урегулирования аграрных вопросов и сбыта сельскохозяйственных продуктов на основе сотрудничества земледельческих государств, в то же время явились

показателями жестокого аграрного кризиса, охватившего балканские и прибалтийские государства Европы.

В самом деле, в аграрных странах капиталистической Европы преобладающей формой сельского хозяйства является мелкое крестьянское земледелие, очутившееся ныне, вследствие падения цен на сельскохозяйственную продукцию, на грани полного разорения. Недовольство крестьянства и аграрные восстания в ряде стран начинают принимать угрожающие формы, приводя в трепет европейскую буржуазию. Этому одновременно сопутствует жесточайшая конкуренция между аграрными государствами в их борьбе между собой за рынки сбыта. Беглое знакомство с работой этих конференций полностью убеждает в том, что они органически неспособны были урегулировать проклятый для Европы аграрный вопрос. Единственный результат их работы заключается в том, что именно они наиболее резко поставили вопрос о так называемом „советском демпинге", т. е. якобы практикующемся СССР бросовом экспорте на мировом рынке.

Совершенно очевидно, что средне-европейские государства сами не в состоянии были прийти к этому выводу своими силами. Здесь они получили поддержку крупнейших европейских государств и в частности Франции, подавшей им эту мысль. А так как в Европе пока еще мысли не облагаются пошлиной, то это утверждение нашло свое быстрое распространение, поспособствовав созданию новых антисоветских группировок в Европе и развязыва-

нию неслыханной и гнусной кампании против СССР Первая аграрная конференция происходила в конце июля в Бухаресте при участии Румынии, Венгрии и Югославии. За ней тотчас же в летней резиденции румынского короля — в Синае — собралась вторая такая же конференция при участии Румынии и Югославии. Внешне преследуя задачи согласования внешней торговой политики совещавшихся государств с целью преодоления тяжелого кризиса на рынке сельскохозяйственных продуктов, обе конференции из-за внутренних противоречий между этими странами не смогли принять каких-либо радикальных решений. Единственным результатом синайской и бухарестской конференций явилось создание чего-то напоминающего „хлебную Антанту“, направленную в основном против советского сельскохозяйственного экспорта. Вслед за этими двумя конференциями в Варшаве по инициативе Польши накануне сессии Лиги наций состоялась следующая аграрная конференция, в которой принимали участие все граничащие с СССР на западе государства, а также Югославия, Болгария, Венгрия и Чехо-Словакия. Варшавская конференция носила ярко-выраженный политический характер.

Несмотря на то, что на повестке дня варшавской конференции официально стояли вопросы сельскохозяйственного сотрудничества и устранения конкуренции между странами Центральной и Восточной Европы, основной смысл варшавских заседаний заключается в том, что она явилась следующим этапом в создании антисоветского блока на востоке

Европы, не без участия, конечно, инициаторов панъевропейской идеи. Недаром одна немецкая газета, обсуждая работу варшавской аграрной конференции, писала, что в „действиях Польши ясно заметен кивок из Парижа. Метод, применяемый Польшей, является чисто-французским: политическое окружение с помощью хозяйственной приманки". Наконец, наиболее откровенно истинный смысл варшавской конференции был разоблачен латвийской оппозиционной прессой, указывавшей на явную антисоветскую сущность польской затеи. Это утверждение в дальнейшем полностью подтвердилось тем фактом, что не желавшая портить своих отношений с СССР Литва, увидев политическую опасность конференции, отказалась от участия в ней.

Работы варшавской аграрной конференции ничего путного для аграрных стран принести не могли, но зато вопросы развертывания борьбы против Советского Союза нашли свое отражение в ее неофициальных заседаниях. Закрылась конференция, как известно, вынесением ряда незначительных решений, которые были представлены на обсуждение пленума Лигий наций.

Обсуждавшая эти решения экономическая комиссия Лиги наций, правда, не санкционировав решения варшавской конференции, все же способствовала дальнейшему развертыванию антисоветского аграрного блока на востоке Европы. Во время пленума между Францией и странами, участвовавшими в варшавской конференции, велись переговоры по вопросу о борьбе с „советским демпингом". В связи с этим

выступавший на пленуме Лиги наций румынский представитель Минореску сделал опять выпад против СССР, подняв с новой силой вопль о советском экспорте. Хотя на пленуме Лиги наций и не было принято решений, специально направленных против Советского Союза, все же разговоры на эту тему велись весьма упорно. Французский министр торговли Фланден в своем выступлении не замедлил подать сигнал к борьбе с растущей хозяйственной мощью Советского Союза. К голосу Фландена присоединился оруженосец французского империализма Зауэрвейн, который на страницах „Матен" проповедывал создание блока европейских государств против Советского Союза.

Тотчас же после окончания сессии Лиги наций заработала вновь дипломатическая машина. Французское правительство неожиданно объявило запрет на ряд ввозимых во Францию советских товаров, при чем под этим декретом красуется подпись вдохновителя пан-европейской авантюры — мосье Бриана. Вслед за этим в Афинах в начале октября 1930 года состоялась конференция балканских государств, также лицемерно проходившая под знаменем пан-Европы. Официальная программа балканской конференции сводилась к „организации балканской федерации, балканского Локарно, и установлению единой политики в реализации экспорта балканских стран на мировом рынке". В действительности же эта программа явилась лишь ширмой для новых империалистических замыслов под эгидой французского правительства. Недаром заседания балканской

конференции были связаны с путешествием французского правительственного комми-вояжера Фландена по балканским государствам. Балканская конференция так же, как и другие, предшествовавшие ей, не в состоянии была разрешить больные вопросы Балканского полуострова, до сих пор продолжающего напоминать пороховой погреб. Наоборот, она способствовала лишь обострению противоречий в империалистическом лагере, ибо наряду с попытками Франции расширить антисоветский фронт путем включения в него балканских государств афинская конференция в то же время была направлена против Италии, с которой, как известно, — несмотря на уверения Бриана, — во время сессии Лиги наций не было достигнуто соглашения о разоружении. На это указывала итальянская печать, и под этим знаком закончила свою работу балканская конференция.

Следующим этапом явилась новая аграрная конференция, происходившая опять в Бухаресте и явившаяся в то же время продолжением варшавской конференции. Эта четвертая по счету аграрная конференция, организованная французским правительством, была опять-таки направлена против Советского Союза и Италии, что подтверждало присутствие на ней французского министра торговли Фландена. Так же, как и другие аграрные конференции, бухарестская носила ярко выраженный политический характер, подтверждающийся тем, что в ней принимали участие военные чины европейских государств. Будучи, опять-таки, не в состоянии

изжить противоречия между аграрными государствами, бухарестская конференция явилась следующим этапом на пути создания антисоветского блока.

Таким образом, бегло проследив работу ряда происходивших в Европе конференций, основывавшихся в той или иной мере на пан-европейской идее Бриана, мы можем прийти к выводу, что французский проект начинает превращаться в базу, на основе которой будут и в дальнейшем делаться попытки к созданию новых империалистических блоков в Европе. Пример заразителен. Наряду с аграрными блоками мы стали также перед фактом создания блока скандинавских государств под руководством Швеции, пытающейся превратить его в антисоветскую антанту на Балтике.

Какие выводы напрашиваются после обзора этих последних империалистических группировок в Европе? Какие цели они преследуют в первую очередь, и к чему они в конце концов приводят?

Основной итог их заключается в том, что они в значительной степени способствовали рождению легенды о советском демпинге", ставшей на ближайший период основным империалистическим орудием в руках всего буржуазного мира. Франция, подобно тому, как она выдвинула пан-европейский проект, подала сигнал к новому наступлению на Советский Союз. Этот факт находится в тесной связи с экономическим кризисом, перед лицом которого стала за последнее время сама Франция, до сих пор находившаяся в более благополучном хозяйственном положении. Французская экономика, бывшая одно

время в полосе „процветания“, ныне переживает также большие затруднения. Вот почему мишенью был избран Советский Союз, и вот почему нашла свое быстрое распространение легенда о „советском демпинге“ [1].

Нет надобности распространяться о вздорности и неосновательности этих утверждений. Уже в ходе самой демпинговой кампании европейская буржуазная пресса сама вынуждена была признать, что доля СССР в международной торговле слишком незначительна, чтобы она могла отразиться на мировой экономике и тем более на падении цен. Вместе с тем попытки не допустить советский экспорт ударяют по самим европейским государствам, ибо кроме того, что СССР вывозит, он также является покупателем на мировом рынке, импортируя промышленные изделия. Этого европейские политики никак не хотят понять. Впрочем, их беспокоит не столько советский вывоз, сколько рост экономического могущества Советского Союза. В этом отношении характерно хотя бы заявление реформиста Гойена в бельгийской палате депутатов, который говорил что „Советский Союз должен беспокоить всех точно так же, как должен беспокоить быстрый рост советской экономики и ее влияние на промы-

[1] Под словом „демпинг“ (от англ. to dump—сбрасывать, давить) в экономической литературе понимается массовый вывоз капиталистами товаров по ценам ниже международных, а иногда и ниже себестоимости с целью завоевания новых рынков. Демпинг—явление, свойственное монополистическому капитализму и характерное для методов конкуренции, применяемых трестированным капиталом—никакого отношения к советскому экспорту не имеет.

шленность. Советская пятилетка,—воскликнул он,—создает угрозу нашей промышленности".

Таким образом под флагом пан-Европы был начат новый крестовый поход против Советского Союза, а идеологи пан-Европы лицемерно находят в этом осуществление своей идеи. Ведь недаром находившийся в Афинах Фланден торжественно заявил, что Франция считает пан-европейскую федерацию и Лигу наций „базой для блока аграрных стран Центральной и Восточной Европы". Наконец, журнал „Эроп Нувель", обсуждая вопросы европейской федерации, изволил по этому поводу писать следующее: „Аграрная конференция в Бухаресте и Синае положила начало некоторого сотрудничества между странами, которые вследствие общности их экономической структуры и сходства их продукции должны были вечно конкурировать между собой... Варшавская аграрная конференция расширила эту базу". И далее французский журнал утверждал, что „все это движение не только не противопоставляет себя плану Бриана, а, наоборот, вдохновляется этим планом и рассчитывает способствовать его развитию".

Становится очевидным, во что превратилась идея пан-европейской федерации при попытках ее хотя бы частичного осуществления. Пан-Европа в действии является не чем иным, как империалистическим оружием, которое было обнаружено еще в первой стадии рождения французской идеи. Как бы ни пытались европейские политические деятели это обстоятельство отрицать, как бы они ни старались

прикрывать ее маской пацифизма, сокровенная сущность идеи европейского союза не может быть скрыта. Пан-Европа является лишь мечом, рукоятка которого находится в Париже, а острее где угодно.

Таково лицо „объединяющейся" усилиями Франции капиталистической Европы.

Писатель Бальзак назвал в свое время „прекрасную" Францию „великой нацией лавочников". Эти слова находят свое подтверждение в каждом шаге европейского жандарма — французского империализма, ибо последний, как писал поэт:

Золотом ценность всех стран измеряет,
И — как Бренус во тьме веков —
На весы Немезиды франк дерзко бросает
Славную шпагу отцов.

Совершенно очевидно, что в соответствии с панъевропейской идеей и на ее основе в Европе будут продолжаться попытки осуществления этого плана в том или ином виде. Однако в своем действии пан-Европа сохранит за собой свое неприкрытое империалистическое лицо, которое неспособны будут завуалировать никакие пацифистские теории и миротворческие иллюзии.

ГЛАВА X

„БРОЖЕНИЕ УМОВ"

Пацифисты не унимаются.—О чем говорил Куденгоф-Калерги.—Обработка „общественного мнения".—„Надежды" на молодежь.—Социал-демократы и пан-европейская идея.

Как и следовало ожидать, разговоры вокруг осуществления пан-европейской идеи продолжаются. Этому способствовало в значительной степени решение Лиги наций о создании комиссии по разработке проекта Бриана.

Как известно, тотчас же после учреждения комиссии последняя созвала свое первое заседание, в результате чего явилось опубликованное ею следующее сообщение:

„Комиссия, учрежденная в силу постановления от 17 сентября, провела свое первое собрание 23 сентября. По предложению представителя Великобритании Гендерсона комиссия на первый год своим председателем единогласно избрала Аристида Бриана. Поблагодарив комиссию, Бриан предложил избрать ее секретарем генерального секретаря Лиги наций сэра Эрика Друммонда. Он предложил включить в комиссию представителей, назначенных ка-

ждым государством, с правом для последних замещать себя заместителями. Он добавил, что база для работы комиссии создана меморандумом французского правительства и поступившими на этот меморандум ответами, предложил генеральному секретарю собрать отзывы, могущие дополнить эту документальную базу и определить задачи комиссии. Правительства могут посылать генеральному секретарю информации и предложения, которые они считают полезными. Он заметил, что в Женеве в ноябре должна состояться экономическая конференция государств, что комиссия должна будет ознакомиться с результатами ее работ. Он предложил также, чтобы ближайшее собрание комиссии было назначено на январь 1931 года, ко времени 62-й сессии Совета Лиги наций, и чтобы к этому времени комиссия приняла необходимые постановления об организации своего бюро.

Бриан напомнил, что комиссия согласно решениям сессии должна быть открыта для всех государств — членов Лиги наций и что она может призвать к сотрудничеству также и государства, не являющиеся членами Лиги наций. Он предложил, чтобы этот последний вопрос был поставлен в порядок дня ближайшего собрания комиссии. В заключение Бриан предложил дать комиссии название — „Комиссия по изучению вопроса о европейском союзе“.

Таким образом пацифистская машина продолжает работать, а неунывающий Бриан взялся за дальнейшее проталкивание своего проекта. В Женеве после пленума Лиги наций он имел длительное совещание с Куденгофом-Калерги, посвященное вопросам вы-

работки ряда „срочных мер для воздействия на европейское общественное мнение с целью привлечения его симпатий на сторону пан-европейских планов". Бриан и Куденгоф-Калерги сошлись на том, что в первую очередь ими должны быть подчеркнуты не только экономические, но и „моральные" стороны пан-европейской проблемы. Таким образом пан-европейская идея дала пищу для нового брожения европейских умов, возвещающих о новом „поворотном пункте" в истории Европы. Недаром пацифист Кайо, о котором мы говорили выше, видя в этом осуществление своих давнишних мыслей, восхваляет энтузиастов пан-европейской идеи. Социал-демократы также усердно защищают проект Бриана и на страницах „Форвертса" безоговорочно его приветствуют, пользуясь при этом случаем, чтобы между прочим заявить, что „приоритет" идеи пан-Европы принадлежит социал-демократии.

Вместе с Брианом, энтузиаст пан-Европы Рихард Куденгоф-Калерги строит новые планы осуществления идеи европейского объединения. После окончания сессии Лиги наций, во время которой Калерги присутствовал в Женеве, „Нейе Фрейе Прессе" поместила любопытное интервью, взятое у него сотрудником газеты. Характерны краски, которыми при этом пользуется „Нейе Фрейе Прессе" для описания этой беседы на своих объемистых газетных страницах. Вот как рисовал корреспондент венской газеты свою встречу с Калерги: „Над гостиницей „Бо Сежур" в Женеве развевается знамя пан-Европы. Его можно видеть и на других женевских отелях. Куденгоф-

Калерги принимает меня в роскошном парке отеля. Проникнуть к нему нелегко, так как его постоянно отвлекают государственные деятели, журналисты, художники. Где бы он ни появлялся, навстречу ему бросаются люди, поздравляющие его с тем, что Лига наций, наконец, занялась осуществлением его идеи".

Отбросив эту словесную чепуху венского борзописца, посмотрим все же, что ему заявил этот пацифистский кретин.

Калерги заявил следующее: „У меня создалось впечатление, что самым существенным в вопросе создания пан-Европы в данный момент является широкая пропаганда за эту идею. Практические результаты создания федерации скажутся не так быстро, как результаты экономических совещаний между европейскими государствами". Калерги проболтался. Цветы пан-Европы уже обнаружились, а ягодки еще впереди.

Далее Калерги продолжал: „Самое важное то, что по инициативе Бриана создана просторная политическая площадка, на которой возможны всевозможные экономические группировки, ибо ясно, что таможенный союз может быть создан лишь между государствами, среди которых исключается вооруженный конфликт... Пан-европейский союз, — продолжал Калерги,—вступает в новую фазу. В течение первых семи лет, ныне заканчивающихся, я видел свою задачу в том, чтобы привлечь к этой идее выдающихся лиц в области политики, хозяйства и мысли. Цель эта достигнута и увенчана инициативой Бриана,

который, как известно, в течение трех лет является президентом пан-европейского общества. Я убежден, что эта работа скоро приведет к намеченной цели и что в течение ближайших семи лет мы увидим не только раму, но и картину пан-Европы".

Одновременно с этим Куденгоф-Калерги из рекламных соображений поспешил сообщить сотруднику венской газеты, что он составил объемистый труд под названием „Долой материализм". По сообщению сотрудника „Нейе Фрейе Прессе" эта книга содержит в себе три главы: первая называется „Идеалистическое миросозерцание", вторая „Героическая этика" и третья „Аристократическая политика". Это сообщение невольно вызывает улыбку, убеждая лишь в том, что в Европе дураки еще не перевелись, что они даже ценятся на вес золота и что они не только говорят, но и пишут „теоретические труды", представляющие собой уже по одному внешнему знакомству бред сумасшедшего.

Итак, брожение умов продолжается. „Нейе Фрейе Прессе" в соответствии с призывом Бриана об обработке европейского общественного мнения решила даже апеллировать к молодежи с призывом бороться за пан-европейскую идею. В одном из номеров этой газеты мы находим статью под заглавием „Объединение Европы, как задача молодежи". Эта статья является наглядной иллюстрацией того чудовищного головокружения, которое имеет место в некоторой части европейских политических кругов. Любопытно привести хотя бы несколько выдержек из этой декларации.

Вначале автор этой статьи, некий буржуазный юнец, именуемый Гербертом Мейером, ставит, видите ли, вопрос о „темпах“ движения в пользу пан-Европы, которое „сможет осуществить задачу спасения Европы от больших катастроф“. Далее он пишет: „Движение в пользу единения должно быть движением молодежи, так как только живой дух молодежи и здоровое, нерастраченное стремление к деятельности смогут соответствовать этому темпу. Движение это есть движение молодежи еще и потому, что она рассматривает пан-Европу, как задачу жизни“. Затем Герберт Мейер распространяется на тему о необходимости перешагнуть через „партийные идеалы“ путем вербовки сторонников пан-европейской идеи. С чудовищной наглостью автор статьи проповедует классовый мир молодежи, заявляя, что „молодежь Европы сможет осуществить дело единения лишь путем единения между собой. Она должна обратить свой призыв ко всем европейцам, воодушевленным духом молодости“. Приводя в конце стих Гете, автор статьи патетически заключает: „Пан-Европа стремится не к преимуществам некоторых, а к благу всех европейцев“.

Итак, пан-европейские меха продолжают раздуваться. Об этом говорит номер журнала „Эроп Нувель“ от 25 сентября 1930 года, посвященный итогам 11-й сессии Лиги наций. Парижский журнал изволит заявлять, что „политический здравый смысл министра иностранных дел Франции (т. е. Бриана), его уверенность действий, его европейская мудрость вдохнули жизнь во всю сессию“. По мнению жур-

нала, „без Бриана сердце Лиги наций билось бы еле-еле“. Одновременно с этим „Эроп Нувель“ сообщает, что собрание пан-европейской комиссии в январе 1931 года должно будет обсуждать вопрос о „допущении“ к участию в изучении вопроса европейской федерации СССР и Турции. Мы допускаем возможность постановки этого вопроса, но в то же время считаем это лишь подтверждением того, что пан-европейские иллюзии до сих пор еще не разрушены. Больше того, во Франции делают после сессии Лиги наций нечеловеческие попытки к тому, чтобы любыми аргументами доказать возможность создания европейской федерации.

В номере „Эроп Нувель“ от 4 октября 1930 г. мы находим ряд мнений деятелей САСШ и Латинской Америки по поводу осуществления идеи европейского союза. Из всех этих мобилизуемых на страницах „Эроп Нувель“ мнений некоторый интерес представляет заявление видного американского журналиста Дж. Макдональда—основателя и директора „Ассоциации внешней политики“ в Нью-Йорке По его мнению „политические и общественные деятели отнеслись с глубоким интересом и сочувствием (!) к бриановскому проекту пан-Европы“. Но тут же Макдональд вынужден противоречить самому себе „Однако, — заявил он, — надо признать, что есть и серьезные противники“. Он указал, что одни из них считают, что так как всеевропейский союз, строящийся на более узкой базе, чем Лига наций, т. е. не на всемирной, а на „континентальной“ и „районной“ основе, будет вместе с тем конкурировать с Лигой

наций,—то у САСШ окажется еще меньше логических оснований и необходимости вступить в Лигу наций. Другие критики, по его мнению, принадлежат к числу крайних американских шовинистов и видят в пан-европейской идее прямой вызов, брошенный Америке, и попытку бороться с экономической и финансовой мощью САСШ во всем мире.

Итак, происходит мобилизация „общественного мнения“. Продолжают приводиться аргументы и за и против. Пишутся пространные декларации и обращения. Издаются „теоретические книги“. И все для того, чтобы добиться осуществления безнадежной мечты о европейском объединении. Уже этот самый факт нельзя обойти молчанием, ибо разговоры о пан-Европе питают и способствуют воскрешению старых оппортунистических теорий в рабочем движении, о которых говорил Ленин.

Несмотря на то, что марксистская наука уже давно установила полную невозможность действительного объединения капиталистических государств, разговоры о пан-Европе служат аргументами в социал-демократических теориях, трактующих о наступлении эры „организованного капитализма“ и „сверх-империализма“.

За эти теории цепляются международные оппортунисты для того, чтобы проповедывать „всеобщий мир“ и кризис классовой борьбы.

Теоретические оруженосцы международной социалдемократии во главе с Гильфердингом, проповедуя мировое господство трестов, пришли к выводу о наступлении новой эпохи в развитии капитализма,

устраняющей внутренние противоречия и смягчающей внешние противоречия между отдельными государствами. По их мнению это создает базу для так называемого „сверх-империализма“, т. е. империализма, объединенного в мировом масштабе и устраняющего внутренние противоречия между отдельными государствами. Проявлением этого „сверх-империализма“ они считают Лигу наций и намечающуюся ныне европейскую федерацию. Этой точки зрения в известной мере придерживается и Бухарин, который, правда, отрицая устранение внешних противоречий капитализма, утверждает, что „его анархическая природа переползает на основные линии международных хозяйственных отношений“. Бухарин утверждает, что ныне в капиталистическом мире „проблемы рынка, цен, конкуренции становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации“. Таким образом теория Бухарина имеет нечто общее с социал-демократическими серенадами об „организованном капитализме“ и сверх-империализме. Тем более поэтому нужно вскрыть истинную сущность разговоров об объединении Европы, не могущих не задеть интересов рабочего класса и пролетарского революционного движения.

Обратимся же к марксистско-ленинской теории, и выясним, насколько правильны эти оппортунистические утверждения, насколько имеет под собой почву „брожение умов“, и насколько реален проект европейского объединения в том виде, в каком его мыслят политические столпы буржуазной Европы.

ГЛАВА XI

НАЗАД К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ!

Пан-Европа, „организованный капитализм“ и „сверх-империализм“. — чем говорят факты. — дар по оппортунистическим теориям. — Ленин о Соединенных Штатах Европы. — Мертворожденная идея.

Разговоры об „организованном капитализме“ имеют свою историю. Еще Карл Каутский в 1915 г. проповедывал уничтожение конкуренции в капиталистическом хозяйстве и считал возможным существование „организованного капитализма“ и „ультраимпериализма“. Ему дал жестокий отпор Владимир Ильич Ленин. В своей книге „Империализм, как высшая стадия капитализма“ Ильич доказывал, что современный капитализм с его трестами и картелями отнюдь не вносит плановости в капиталистическое хозяйство и не устраняет кризисов. Современный капитализм на данной стадии его развития является монополистическим капитализмом, который, являясь „высшей формой“ капитализма, в то же время несет ему неминуемую гибель. Это неизбежно главным образом потому, что если в отдельных отраслях капиталистического хозяйства производство стано-

вится общественным, то зато присвоение остается „собственностью небольшого числа лиц“. Ленин понимал, что, каких бы размеров ни достиг процесс монополизации капиталистического хозяйства, нельзя говорить о замирании конкуренции, ибо общественные средства производства остаются частной собственностью. Этого не желают усвоить столпы европейской социал-демократии и им подпевающий Бухарин, опирающийся на учения буржуазных ученых — Зомбарта, Шмалленбаха и др.

Ленин далее говорил, что „устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом“. Ленин понимал, что капиталистические объединения, носящие монополистический характер с их трестами и картелями отнюдь не могут способствовать изжитию внутренних и внешних противоречий капиталистического хозяйства. Современный капитализм характерен обострением экономических и социальных столкновений как в международном масштабе, так и внутри каждой страны в отдельности. Единственным выходом из этих капиталистических противоречий может быть пролетарская революция. Но ведь социал-демократы как-раз и являются главными противниками пролетарской революции и пролетарской диктатуры!

Не подлежит никакому сомнению, что разговоры о Соединенных Штатах Европы базируются на ныне опять воскресшей теории „организованного капитализма“.

Многие видят в международных картелях и трестах базу для создания Соединенных Штатов Европы. Но известно, что тресты и картели организуются на определенное время и на основе соответствующего соотношения экономических сил. Международные картели не представляют собой постоянного явления. Объединяемые ими тресты, зачастую недовольные распределением рынков, имеют всегда право покинуть объединение и вступить с ним в борьбу.

Только недавно мы встали перед фактом развала международного стального объединения, объединявшего ряд капиталистических предприятий Европы. Распад стального объединения нанес сокрушительный удар всякого рода теориям „организованного капитализма“. Вслед за международным стальным объединением, под влиянием обострившегося экономического кризиса и вследствие конкуренции, распалось также объединение по сбыту бензина в Германии. В это объединение входило 26 фирм различных стран, в том числе американский нефтяной трест „Стандарт Ойль“ и английский трест Детердинга „Шелль“. Распад объединения вызван тем, что ряд принадлежащих ему фирм в целях конкуренции продавал бензин по ценам ниже установленных объединением. Эти два факта, взятые из действительности, полностью опровергают всякие разговоры об „организованном капитализме“. Не-

смотря на это сторонники теории „организованного капитализма“ упорно вербуют единомышленников. Они это могут прекрасно делать даже на хвосте кометы, но ведь положение от этого отнюдь не меняется!

То же самое можно сказать и о теории „ультраимпериализма“, или „сверх-империализма“. Эта теория вытекает из неосновательных разговоров об уничтожении капиталистической конкуренции и империалистических войн. Между тем известно, что на определенном этапе своего развития монополистический капитализм не может иначе восстановить свое нарушенное равновесие, как путем войн между отдельными капиталистическими странами. На этот счет Ленин писал, что „при капитализме невозможны иные средства восстановления время от времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности и войны в политике“. Говоря о союзах между отдельными капиталистическими государствами, Ленин считал, что „мирные союзы подготовляют войны и в свою очередь вырастают из войн“. Сейчас нет никаких оснований подвергать ревизии ленинскую характеристику „империалистической политики“, ибо вся история существования капитализма—это история постоянных военных столкновений. Никакими дипломатическими способами этих столкновений избежать нельзя, ибо военный корабль, пушки и танки, как известно,—лучшие дипломаты империализма.

Достаточно проследить историю различных европейских союзов, коалиций и объединений государств

для того, чтобы полностью прийти к бесспорному выводу, что они служили лишь средством для борьбы одной группы стран против другой. Это видно особенно ярко на протяжении последнего столетия, когда мы имели ряд империалистических коалиций. Напомним основные из них: союз трех императоров 1872 года, созданный по инициативе Бисмарка, Тройственный союз 1882 года, Тройственное согласие 1907 года, затем Балканская лига в 1912 году, Лондонское соглашение и союз держав 1914—18 гг.[1] Все эти объединения и союзы европейских империалистических государств, как показывает история лишь служили средством для создания группировок между отдельными странами и способствовали разжиганию кровавых войн, на почве соперничества между отдельными государствами.

Сейчас под эгидой Лиги наций практикуется в Европе система арбитража, якобы способная предотвратить войны между государствами. Летом 1930 г. Бриан, выступая во французском парламенте в защиту генерального акта об арбитраже как „орудия для предотвращения военных конфликтов“, изволил заявить, что „если удастся сделать войну абсолютно невозможной, то это будет жестоким ударом по

---

[1] Союз трех императоров—союз между Россией, Германией и Австрией просуществовавший с перерывами до 1887 г.; тройственный союз (между Германией, Австрией и Италией) и Тройственное согласие (между Францией, Англией и Россией) послужили главным организационным звеном в подготовке мировой войны 1914/18 гг.; Балканская лига—военный союз между Болгарией Сербией, Черногорией и Грецией, организованный под влиянием России накануне балканских войн 1912 и 1913 гг.; Лондонское соглашение 1915 г. оформило вступление Италии в мировую войну и грабительскую программу Антанты реализованную версальским договором 1919 г.

коммунистической доктрине, объявляющей войну неизбежной при данной международной организации". Однако из всего вышесказанного явствует, что это утверждение является по меньшей мере циничным, ибо именно сейчас больше, чем когда бы то ни было, война стоит на повестке дня, а „теоретические" упражнения Бриана с трибуны французского парламента лишь подтверждают эту опасность.

Итак, мы можем прийти еще раз к выводу, что всякие разговоры об устранении противоречий в капиталистическом хозяйстве и о возможности предотвращения империалистических войн не имеют под собой никакой почвы.

Остается только выяснить этот вопрос в применении к проблеме Соединенных Штатов Европы, ибо здесь идет речь о создании экономической базы для постоянного федеративного объединения и сотрудничества государств капиталистической Европы. Достаточно внимательно разобраться в этом вопросе, чтобы стало ясным, как далек этот проект от осуществления. Европейские тресты переплетаются с американскими, которые имеют достаточно средств чтобы помешать этому объединению. Поэтому и план создания общеевропейского таможенного союза, на который упирает французский проект европейской федерации, абсолютно не может быть осуществлен в рамках капиталистического общества. Тем не менее в проекте Бриана эта мысль находит выражение в желательности „рациональной организации производства и европейского обмена путем все боль-

шего облегчения и методического упрощения циркуляции товаров, капиталов и людей". Не будучи в состоянии добиться этого, европейский капитализм мог бы использовать европейский союз лишь в целях нажима на широкие массы рабочего класса. В этом вынужден был признаться известный французский журналист Бурэ, который прямо заявил, что по системе Бриана промышленность, регулируемая европейской федерацией, вынуждена будет национальный резерв безработных перебрасывать в другие промышленные страны. Таким образом сам Бурэ признается, что рабочих превращают „в мясо для рационализации". Это утверждение, исходящее из уст буржуазного публициста, лишь только подтверждает, что идея европейского объединения направлена в то же время против европейского рабочего класса и революционного движения. Об этом писал также в 1925 г. один из левых лидеров международного профдвижения Эдо Фиммен — секретарь Международной федерации транспортных рабочих.

В своей книжке, под названием „Соединенные Штаты Европы или Акционерное Общество Европа" Эдо Фиммен совершенно справедливо указывал на опасность, которую таит в себе попытка объединения капиталистических государств. Автор доказывал, что международные картели усиливают мощь предпринимателей против рабочего класса. Отсюда он приходит к выводу (совершенно правильному), что рабочий класс должен объединиться для борьбы с капитализмом в международном масштабе. Однако, так же, как и другие оруженосцы оппортунизма,

Фиммен переоценивал возможность мирных соглашений между капиталистами отдельных стран, переоценивал размах и значение этих соглашений и тем самым недооценивал и даже замазывал противоречия между империалистическими государствами. По мысли Фиммена международная организация капитала означает ожесточеннейшую эксплоатацию рабочих, грозящую при попытке сопротивления перейти в подлинную классовую бойню.

Книжка Фиммена в общем представляет не малый интерес, ибо он все же призывает рабочих к объединению против организованного капитала для свержения его власти. Но в то же время он приближается к точке зрения Гильфердинга и отчасти Бухарина, ибо автор переоценивает значение межгосударственных объединений капиталистов и отрицает возможность войны.

Выше мы уже отмечали неправильность и необоснованность этих утверждений, ибо современная международно-политическая обстановка не дает никаких оснований для пересмотра и переделки единственно правильной ленинской теории империализма. Однако в рабочем движении идея Соединенных Штатов именно базируется на этих неправильных утверждениях. Тот же Эдо Фиммен называет идею Соединенных Штатов Европы „прекрасной мечтой", правда, оговариваясь, что она может воплотиться в карикатурную форму „Акционерное Общество Европа".

В том или ином виде разговоры о Соединенных Штатах Европы имеют место в рабочем движении.

Мы уже говорили о том, что наиболее широко этот вопрос был выдвинут в 1915 году социал-демократами и Троцким, которые получили достаточно резкий отпор со стороны Ленина. В 1923 году Троцкий воскресил эту идею и в статье под заглавием „О современности лозунга Соединенные Штаты Европы" („Ленинградская правда" № 144 за 1923 г.) выдвигал эту задачу, как „идеал" для европейского рабочего движения. Этот лозунг, который Троцкий хотел противопоставить попыткам европейского капиталистического объединения, вне всякого сомнения также не имеет под собой почвы, ибо это означало бы изолирование рабочего класса Европы от революционной борьбы пролетариата всего мира.

Наконец, в 1926 году в рядах Коммунистического Интернационала этот вопрос был поднят Джоном Пеппером, ныне ставшим ренегатом и находящимся вне рядов коммунистического движения. Джон Пеппер, выдвигая лозунг „Соединенные Штаты Социалистической Европы", тем самым так же, как и Троцкий, проповедывал изоляцию европейского рабочего движения от революционной борьбы рабочего класса всего мира и в то же время ставил под сомнение возможность победы социализма в одной стране.

Вот почему в настоящий момент единственно правильной точкой зрения по вопросу об идее Соединенных Штатов Европы попрежнему остается позиция Ленина, который возвышается подобно башне над подлыми писаками своекорыстного пацифизма и оппортунизма.

Обратимся же к Ленину. В своей статье, помещенной в № 44 „Социал-демократа“ от 23 августа 1915 года, Ленин писал: „Соединенные Штаты Европы при капитализме равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы“. И дальше он утверждал: „Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедывать „справедливый“ раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера“.

И еще Ленин писал: „Конечно, возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны Соединенные Штаты Европы, как соглашение европейских капиталистов... о чем? Только о том, чтобы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии... На современной экономической основе, то-есть при капитализме, Соединенные Штаты означали бы организацию реакции“.

Таким образом ленинская постановка вопроса наносит удар всем оппортунистическим теориям, ибо он говорил, что „Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения свободы наций, которую мы связываем с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического государства“.

Комментировать это положение нет никакой надобности. Оно решительно сводит на-нет все разговоры о „Соединенных Штатах Европы“, из какого

бы лагеря они ни исходили. Речь может итти только о Соединенных Социалистических Штатах всего мира, которые могут быть созданы только в результате победоносной пролетарской революции и объединенной борьбы угнетенных пролетариев и колониальных народов всего земного шара.

Подводя итог разбору этого вопроса, мы неизбежно приходим к выводу, что идея пан-европейской федерации в условиях капиталистического общества является несбыточной мечтой и мертворожденной попыткой продлить агонию переживающего катастрофические потрясения европейского капитализма. Это, однако, не исключает возможности временного хождения пан-европейской идеи на европейском континенте.

ГЛАВА XII

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Жалкие итоги женевских заседаний. — Опять неизбежные противоречия. — Жив Молох войны. — Судьбы пан-Европы. — Три возможных варианта. — Карфаген будет разрушен!

Возникает, однако, вопрос: каковы дальнейшие судьбы воскрешенной ныне идеи Соединенных Штатов Европы, и каковы дальнейшие пути развития французского проекта в условиях современного европейского капитализма? На этот вопрос можно ответить лишь фактами, лишь характеристикой тех новых противоречий, которые обнаружились за последнее время в капиталистическом мире. Наиболее наглядно их можно выяснить на основе итогов 11-й сессии Лиги наций и последовавших за ней событий.

Лига наций, как мы видели выше, вообще является такой организ цией, „деятельность" которой наиболее широко вскрывает современные противоречия между империалистическими государствами. Наряду с вопросом создания пан-европейской федерации 11-я сессия Лиги наций, как известно, разбирала

вопрос о разоружении. Во время обсуждения проблемы разоружения с новой силой вспыхнули англо-французские противоречия, вновь были подчеркнуты итало-французские противоречия, всплывшие еще во время лондонской морской конференции. Лиге наций не удалось даже точно установить сроков созыва конференции по разоружению. Зато ей удалось провести решение о подписании договора о финансовой помощи государствам, „находящимся под угрозой нападения". Этим Лига наций взяла на себя обязанность субсидирования новых империалистических войн. Договор о финансовой помощи целиком направлен против СССР, так как на основании его каждое буржуазное государство, — например, Польша, Румыния, — спровоцировавшее войну против Советского Союза, может рассчитывать на помощь Лиги. В области экономических вопросов работы Лиги наций не привели ни к каким результатам вследствие полного разброда в лагере империалистов. Единственным итогом обсуждения экономических проблем в Лиге наций явилось то, что последняя возглавила и санкционировала кампанию против советского экспорта и организацию экономической блокады Советского Союза.

Немощность Лиги наций вынуждена признавать и европейская буржуазная печать. Английская газета „Манчестер Гардиан", критикуя работу Лиги наций, писала: „Такая бесплодность Лиги наций является тревожным международным симптомом. Все нервничают и настроены песимистически. В общем никогда еще с 1920 года международное положение в Европе

не было так скверно, как сейчас". Это признание заслуживает внимания, ибо оно в то же время характеризует самое Лигу наций. Последняя сейчас как раз занимается чисто техническими военными вопросами подготовки будущей войны. Секретариат Лиги наций собирает сведения об импорте, экспорте, производстве и потреблении разных стран, чтобы в нужный момент установить блокаду. В Женеве строится мощная радиостанция для сообщений „в случае кризиса". Лигой заключаются тайные военные соглашения с отдельными государствами и, наконец, Лига налаживает в Швейцарии свой военно-воздушный флот. Таким образом под флагом организации мира и разоружения Лигой наций проводятся чисто военные подготовления. Внутри самой Лиги однако также неблагополучно, ибо в ней между отдельными государствами происходит постоянная борьба за господство, за влияние, которая в связи с появлением пан-европейского проекта лишь усилилась.

Однако оставим Лигу наций в покое. Взглянем на те противоречия, которые возникают в настоящее время с новой силой между отдельными государствами. Английский империализм в результате имперской конференции, лишь еще раз подтвердившей приближение распада Британской империи, вступает в новую борьбу с американским капитализмом, протягивающим свои лапы к английским колониям и доминионам. Одновременно с этим, как мы уже говорили выше, выявляются противоречия между Англией и Францией. Об этом свидетельствует обнаружившийся еще летом 1930 года факт отказа

английского правительства от постройки тоннеля под Ламаншем для создания железнодорожной линии между Францией и Англией. До последнего времени постройка этого тоннеля считалась окончательно предрешенной. Отказ от постройки означает, что английское правительство испугалось того, что в случае столкновения с Францией этот тоннель сможет только сыграть последней наруку. Решение английского правительства может быть характеризовано известными словами лорда Бальфура: „Пока океан остается нашим другом, не будем по собственной воле уничтожать ту помощь, которую он может нам оказать".

С новой силой ныне обнаружились противоречия между Германией и Францией. Германия, как мы говорили выше, требует так же, как и Италия, пересмотра системы версальских договоров, на которой базируется французский империализм. Франция усиленно вооружается. Недавно один французский социалист прямо заявил: „Франция не послужит делу мира, разоружаясь в момент, когда ее безопасность полностью не обеспечена... Мы должны проверить и усилить запоры, чтобы избегнуть реванша со стороны Германии".

Господин Бриан, играющий роль апостола мира, справедливости и пророка европейского объединения, быть может, этими словами смущен и недовольно покручивает свои усы. Чтобы ему окончательно испортить настроение, мы приведем выдержку из статьи его ближайшего соратника и соотечественника — „социалиста" Поля Бонкура.

В газете „Журналь“ Поль Бонкур опубликовал свою сенсационную статью, в которой, подводя итоги 11-ой сессии Лиги наций, писал: „Конечно, горькая правда, что разоружение не обеспечивает безопасности страны. Но в тот момент, когда не приходится ожидать от Лиги наций, что она сумеет ясно и недвусмысленно определить, что должно случиться, если где-нибудь в Европе разразится война, мы должны сами определить, что надо делать. Устав Лиги наций продырявлен, как решето. Все собираются разоружаться... завтра. Но одно ясно: мы идем навстречу новой войне. Оспаривать это было бы так же абсурдно, как отрицать, что вооружения должны привести к войне. Поэтому, — заканчивает Поль Бонкур, — мы будем вооружаться, ибо другого средства, повидимому, нет“.

И после этих слов только неудачным юмором могут звучать заявления Бриана о „мире“ и „европейском единстве“. Молох войны жив! Отрицать это равносильно тому, чтобы отвергать участие французских войск в интервенции на юге Советского Союза. Бриан взывает к идее арбитража, кричит о крахе коммунистических доктрин, превращая в то же время свою идею в арбитраж стального меча.

Нет надобности подробнее останавливаться на современных противоречиях между капиталистическими странами. Они очевидны так же, как очевидна повседневная подготовка войны против Советского Союза.

Прикрываясь мантией мира и благополучия, европейские государства не оставляют мысли о насту-

плении на страну социалистического строительства. На повестку дня снова ставится вопрос о военной интервенции. Румыния с помощью французских офицеров строит военный порт в Констанце, чтобы тем самым угрожать Советскому Союзу с Черного моря. Наконец, антисоветские приготовления Польши, Финляндии и др. граничащих с СССР государств далеко не говорят в пользу рыцарей мира.

Перед лицом жесточайшего экономического кризиса и роста экономического могущества СССР, в Европе появился новый жупел — это вопли о „советском демпинге", которыми, подобно крестовому походу, хотят отвлечь широчайшие массы от классовой борьбы и внутренних социальных потрясений. В нынешние дни неслыханной травли Советского Союза, представляющего собой совершенно новый мир, в дни, когда против страны социалистических побед поднимаются черные полчища реакции, невольно вспоминаются пророческие слова Карла Маркса и Энгельса, которые еще много лет назад писали в своем Коммунистическом манифесте: „Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма. Для священной травли этого призрака соединились все силы старой Европы — папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские". Хотя эти гневные слова относились к эпохе, отделенной от нас почти целым веком, — сокровенная сущность, движущие силы антисоветских походов остались те же. Они живы, они существуют в каждом движении, в каждом вздохе содрогающегося от противоречий капиталистического

мира. После этого становится ясной вся ничтожность пацифистских разговоров и пропаганды о мире и разоружении. И в этом вынуждены признаться даже представители буржуазии. В августе 1930 г. газета „Таймс“ печатала любопытную статью, в которой выражалось крайнее недовольство пропагандой пацифизма в Англии, лишь „ослабляющей интерес молодого поколения к будущей войне“. Газета со злобой обрушивалась на пацифистских „писателей и агитаторов“ и жаловалась, что „не будят духа героизма в стране, не подготовляют молодежь к новым подвигам“.

„Таймсу“ вторила газета правительственной рабочей партии „Дейли Геральд“, которая писала: „Мир лихорадочно готовится к войне. Французские войска покинули Рейн, но это лишь означает продвижение с германской к итальянской границе. Долины Савойи полны войск. Если раньше укрепления воздвигались в Вогезах, то теперь они строятся в Альпах. Во всей Европе та же картина: Италия готовится к войне против Югославии, Польша против СССР и т. д. Многие границы представляют собою центры военной активности. Вопреки Лиге наций и вопреки пакту Келлога, война все же должна прийти“. Нельзя не согласиться с этими словами, ибо такие мысли обыкновенно всегда предшествуют вооруженному столкновению.

Итак, что же дальше? Дальше война, и единственное, чего нельзя предвидеть, так это того, — что случится раньше: война против Советского Союза, к которой готовятся на Западе, или столкновение

между соперничающими между собой империалистическими государствами.

В этой обстановке идея пан-европейского объединения остается, как мы установили выше, предметом словесных упражнений европейских пацифистов. Вот почему полезно и крайне нужно все же выяснить дальнейший путь злосчастного детища французской дипломатии.

Что же дальше? Мы разобрали выше в основном все противоречия пан-европейского проекта Мы установили, что пан-европейский проект, будучи новым орудием в руках империализма, является в то же время сигналом бедствия, признаком кризиса европейского капитализма. Это положение подтверждается в появившейся в октябре 1930 года на европейском книжном рынке работе известного буржуазного статистика Владимира Войтинского. Его книга носит название „Факты и цифры Европы“. Издана она уже существующим на Западе издательством „Пан-Европа“. Владимир Войтинский является также одним из энтузиастов европейского объединения, но объективно он сыграл своей книгой лишь службу в том отношении, что цифрами и аргументами подтвердил невозможность объединения капиталистической Европы.

В таком случае от пан-Европы остается лишь одна пацифистская иллюзия, в которой вынуждены сомневаться даже ее ярые защитники. Тот же журнал „Эроп Нувель“, стоящий на страже пан-европейской идеи, обсуждая результаты сессии Лиги наций и создание европейского комитета, в номере

от 25 сентября вынужден был писать: „Комитет по изучению европейского союза? Не мечта ли это? Европа проходит через различные затруднения. Леблористская партия не без боязни ждет имперской конференции. Фашизм путается в финансовых затруднениях. Немецкий народ ждет зимы. Западные страны не изжили аграрного кризиса. Союзники не могут сговориться. Нельзя найти формулы, — восклицает автор статьи, — вокруг которой объединились бы все силы“.

В таком случае не смешно ли говорить об объединении Европы? Однако пан-европейская комиссия приступила к работе и будет рождать способы для объединения Европы. Каковы же перспективы деятельности этой комиссии? Что же будет дальше? Здесь можно предусмотреть ряд вариантов.

Первый вариант — полный провал работы европейской комиссии на первых же порах. При чем весьма возможно, что решающую роль в этом провале будет играть Англия, которая устами своего бывшего министра колонии Эмери заявила, что „сердце Британии лежит вне Европы“. Этот провал весьма возможен.

Второй вариант — это возможность дальнейшей работы европейского комитета, который будет заниматься „изучением“ европейских проблем, при чем в этом изучении он не пойдет дальше аналогичных работ Лиги наций в области разоружения. Этот вариант представляется наиболее вероятным, ибо из приведенного выше сообщения европейского комитета можно судить, что господин Бриан наме-

рен годами заниматься словоблудием вокруг европейского „сотрудничества“. В этом случае возможны и приглашение Советского Союза к участию в европейской федерации и другие лицемерные шахматные ходы. К этому мы должны быть подготовлены.

И, наконец, третий вариант: в результате работ комиссии, возможно, при Лиге наций будет создано нечто напоминающее европейский союз. Но это будет союз европейских империалистических государств, который, подобно существующему Пан-американскому союзу, будет служить плацдармом для новой империалистической драки, для нового надвигающегося величайшего столкновения между капиталистическими континентами. Пан-европейская федерация, независимо от того, сколько государств и какие государства в нее войдут, неизбежно будет способствовать надвигающейся войне между империалистическими государствами и их борьбе против Советского Союза.

Европейский союз подобно Лиге наций превратится в экран, на котором будут вырисовываться новые противоречия империализма. Именно в этом будет заключаться истинное значение федерации европейских капиталистических государств. И, конечно, эта федерация вовсе не будет соответствовать тем обманчивым и пустым фразам, которыми начинен французский пан-европейский проект.

Можно смело сказать, что если до сих пор вся история с пан-европейским объединением казалась нам неудачно-разыгранным фарсом, то в дальней-

шем она будет звучать трагедией, лишний раз доказывающей органическую неспособность капиталистического общества разрешить душащие его противоречия.

Сам факт попыток создания европейского федеративного объединения в то же время свидетельствует о том, что силы буржуазного пацифизма еще не исчерпаны. Это значит, что марксистской мысли, революционному рабочему движению еще предстоит вести большую борьбу с этой опасной для пролетарской революции болезнью. Мы не сомневаемся однако в том, что ходом истории эта иллюзия будет вдребезги разбита. Политический и экономический пацифизм сможет еще некоторое время продержаться на европейской поверхности, пока волею истории он не будет безжалостно брошен в мусорную яму гниющего капитализма, даже не оставив после себя памятника о величайшем лицемерии и бессилии.

Нет сил, которые смогли бы спасти европейский капитализм от неизбежно ожидающей его гибели, нет сил, которые смогли бы приостановить начерченный историей закат капиталистической Европы, этого уже дрогнувшего и подтачиваемого червем гниения Карфагена. Есть только одна сила — сила международного пролетариата, который в надвигающихся классовых боях сможет положить основу для подлинного объединения народов всего мира, для подлинного союза Соединенных Социалистических Штатов всего земного шара.

И тогда Карфаген будет разрушен!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

Цена 50 коп.